

АЛЕКС
АНЖЕЛО

ВЕЧНОСТЬ

ГРЕШИ И ПАДАТИ

И

ТЛЕН

Алекс Анжело
Вечность и Тлен
Серия «Young Adult.
Книжный бунт. Фантастика»
Серия «Мир Дэвлата», книга 3

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70320283
ISBN 978-5-04-199424-2

Аннотация

По землям Дэвлата ползут зловещие слухи. Люди еще не понимают, что их мир захвачен монстрами и стоит на грани гибели. Святая и Проклятый теперь вместе. Им вновь придется столкнуться с прошлым, осознать, что возмездие существует и идет за ними по пятам.

Помните, хорошие боги – это мертвые боги, как и святые, которым лучше оставаться в могиле.

Продолжение популярного цикла Алекс Анжело «Мир Дэвлата». Сара и Люций готовы к новому бою. Что ждёт их на пути? Монстры – главная проблема героев, или есть нечто куда опаснее? Раскрытие тайн мира Дэвлата. История, в которой второстепенные персонажи так же интересны, как и основные!

Зеркальный остров хранит тайну, но какую? В новой части сердце читателей украдёт не только Люция Моран!

Содержание

I	10
II	36
III	73
IV	101
V	119
VI	147
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Алекс Анжело

Вечность и Тлен

Иллюстрации на переплете, форзацах и в тексте – Altorina

Эмблема на авантитуле – Adacta Aries

Разработка серийного оформления Кати Тинмей

Дизайн обложки Александра Андреева

© Анжело А., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

- 1- Северный Ордэн
- 2- Ордэн Лякстыс
- 3- Ордэн Сорель
- 4- Ордэн Вечной Зелени
- 5- Ордэн Западных Ветров
- 6- Далець у озера Спокойствия
- 7- Крэвель в лесу
- 8- Крэвель
- 9- Соросл
- 10- Трыс

- 11- Фатсар
- 12- Ордэн Красного Леса
- 13- Ордэн Рух
- 14- Ордэн Помнящих
- 15- Ордэн Погодинок
- 16- Ордэн Черных Скал
- 17- Гренир

Фандом «Мир Дэвлата»
растет!

Прочитай фанфики
по истории, написанные
другими читателями.

Богиня Эсмира
Светлые даэвы

Сомниумы
(сила сновидений)
Эмпаты
(сила чувств)

Бог Фародей
Теневые даэвы

Мортемы
(сила воплощения)
Скарды
(сила исхода)

I

Союзники

*Сколь тьма вездесуща,
столь ярок свет.*

*Помоги нам выжить в этом вечном
противостоянии. Через страхи и кошмары,
обращающие нас во мрак, убереги наши души и
разум от гибели. Не позволяй осквернить наши
тела.*

*Самоотверженная Сара, благослови, открой
путь к свободе.*

*Избавь нас от страха смерти...
Молитва прихожанина в храме*

Сара Сорель

В этот момент я прекрасно осознавала, что нет ничего важнее на свете, чем сердце богини Эсмиры. Сокровище Дэвлата. Единственное в своём роде. Реликвия, сила которой не поддавалась пониманию. Лишь оно могло нас спасти. И теперь кристалл находился в моих руках.

Пульсация силы достигла меня, но коснулась не тела, а ра-

зума. Я пошатнулась, утратив на мгновение контроль, будто собственное тело обратилось в ничто, став невесомым.

Люций схватил меня за локоть, поддерживая. Второй свободной рукой он подхватил погребальную урну, выпавшую у меня из рук.

– Нечисть! Как я могла уронить её? – вырвалось скорее от шока и страха, когда я вновь пришла в себя. Пусть в урне больше не было праха, но это не означало, что она потеряла свою ценность.

Произошедшее на мгновение заставило меня забыть о кристалле, горящем голубым пламенем в руке.

– Могла. Ты прикоснулась к сердцу светлой богини. Полагаю, это достойное оправдание, – заметил Люций, перехватывая удобнее урну. – Владеть кристаллом тяжело. И периодически он может брать верх.

Стоило Морану договорить, как в голове прозвучал крик. Он был истерическим, громким, настолько пронзительным и отчаянным, будто кто-то звал меня, прежде чем столкнуться с самой смертью.

«Сара...»

Он больше не имел ничего общего с голосом Долорес. Это было нечто странное, целый хоровод звуков, сотрясаемый визгом и рыком нечисти, что я слышала не раз. Он заставил меня вздрогнуть, тяжело втянуть воздух, пытаюсь сохранить самообладание и не позволить взвившейся тревоге отразиться на лице. Но, сама не заметив, я отшатнулась и упала бы,

если бы теновой див до сих пор не держал мой локоть.

В воздухе витал запах металла. Кровь напитала лес, и её аромат разлетелся по округе. Осколок, являющийся частью древней магии, столь же внезапно замолчал, и голова перестала кружиться.

Я забрала жизнь отца, предала орден, заснула на три десятка лет, и по моей вине погибли люди у обители... А меня тревожат голоса в голове. Это просто недостойно и смешно. Нелепо.

– Брать верх?

– Если ты умрёшь, кристалл рассыпется. Эта часть легенды правдива. До использования теновое сердце вело себя так... Ты ведь слышала, что осколок вошёл в моё тело?

Я кивнула, обдумывая кусок вернувшихся воспоминаний о той ночи, когда я случайно услышала беседу Фредерика и Изабель Ларак о нападении на Северный орден. В ту ночь брат должен был отправиться к месту, где разбили лагерь даэвы ордена Сорель. Ныне в том месте разверзся Второй раскол.

– Оно реагирует на твои мысли и желания... – Люций убрал руку с моего локтя, опуская урну в яму. Его лицо скрыли тени. – И не желает покидать хозяина.

Моран поднялся, посмотрев на меня. Его глаза показались мне частью созвездий, пронзавших светом тёмное небо.

Люций неожиданно улыбнулся одним уголком губ.

– Мы с ним похожи. Я тоже больше не хочу тебя отпус-

кать.

Люций был так откровенен, а меня до сих пор заставляло теряться то, что происходило между нами. Мне было легче искать в нём слабости, пока он оставался врагом, и доверять, как самой себе, когда являлся лишь другом.

Я ещё не произнесла ни звука, как повисшая тишина встревожилась, нарушившись треском веток, хрустом песка и свистом рассекаемого ветра.

– К нам кто-то приближается, – сказал Люций, опередив меня. И одновременно с его словами в этих посторонних шумах стала узнаваема характерная тональность. Если слышал их не раз, не составляет труда понять, когда ревенант спешит по твою душу. Конечности нечисти коченели и были не такими подвижными, как у людей. Но они наливались силой, а кожа твердела, словно обернувшись броней. Полностью обратившиеся порождения тьмы преодолевали одним прыжком несколько метров, и в такие моменты воздух содрогался от мощи их рук и ног.

Всего несколько секунд, и под сияние водорослей Духовного озера из глубины леса и по берегу к нам выскочили несколько тварей с почерневшей кожей и горящими алыми глазами. Они не принадлежали этому миру. Порой мне казалось, что ревенанты вовсе пришли с той стороны портала, а не были прежде людьми.

Но среди множества предположений и легенд происхождение монстров никогда не вызывало сомнений. В отличие

от источника теневой силы. Даэвы выдвигали теории о том, что Серый мир – изнанка нашего. Его сумрачная сторона, куда попадают наши негативные сны и мысли.

Я отклонилась, увеличивая расстояние между мной и Люцием. Едва не наступила на погребальный камень Долорес, раздавив один из алых ликорисов у её могилы. Спрятав сердце богини в мантии, я обнажила меч, готовая к сражению.

Твари появлялись со всех концов леса, окружавшего озеро. Несколько тёмных стремительных силуэтов неслись к нам с противоположного берега. Они двигались, топорно шевеля окоченевшими конечностями.

Они бежали так, точно за ними гналась сама смерть, хотя сами были мертвецами и несли гибель.

Сглотнув, я втянула воздух, наблюдая, как серая сталь наливается мерцанием силы.

«Сколько их? Десять? Может, чуть больше», – подумала, пытаясь сосчитать всех.

В моём прошлом отряд даэвов собирался, чтобы справиться с одним ревенантом, в исключительных случаях – с двумя...

Но теперь их было в разы больше, и они нападали на двоих даэвов. Их словно что-то влекло. Они будто обрели разум...

Лицо Люция исказилось, как если бы его злил сам факт того, что мы оказались в западне. Он вскинул руку, и тьма взвилась в воздух сотней воронов. Ночь утратила краски, полностью обращаясь во тьму, подобную той, что царила в

самых глубоких пещерах Дэвлата. Тени заскользили по водной глади, закружились ураганом, хлынув во все стороны и закрывая собой небо. Вороны не впитались тьмой в изменённые тела. Они пикировали, выклёвывая алые глаза и терзая тонкие шеи – одно из слабых мест ревенантов. Воплощённые существа не могли остановить нечисть, но замедляли её.

Прежде чем один из монстров достиг нас, Люций поднял свой меч.

Терпеливый – клинок, названный качеством, которое хотел обрести Люций. И он его обрёл. Меч, как и прежде изящный и элегантный, так и остался без каких-либо украшений, столь часто встречавшихся на эфесах оружия даэвов. Но всё же он больше не был идеальным. Я не знала, как так вышло, но его остриё сверкало щербатым краем – у меча образовался крупный скол.

Оружие засияло, как не должна сиять чёрная сталь. А после потухло, став чернее бездны, и прежний свет показался мне лишь наваждением. Воздух засвистел, и первый монстр рухнул к нашим ногам – чёрная кровь заблестела на острие меча, а остекленевшие глаза некогда живого человека уставились в пустоту.

Казалось, если взглядеться в них, можно было узнать какую-то тайну.

Алые угли глаз потухли, и я рассмотрела выдвинутую нижнюю челюсть с заострёнными зубами и подбородок, залитый липкой багровой кровью с кусочками прилипшего к

коже песка. Тварь была голой и полностью обратившейся. Этому ревенанту был не один день.

Меч теневого то и дело со свистом рассекал воздух. Я словно оказалась в центре урагана под именем Люций Моран. Его сражение – свирепый танец, необузданная стихия, крушащая всё на своём пути. Я любовалась его боем и чувствовала укор своей гордости. В нашу встречу в лагере у озера Спокойствия я осудила теневого дива за то, что он наслаждался боем. Сама же, только лишившись своего превосходства и навыков, осознала, как люблю эту силу. Держать нить своей судьбы в собственных руках – это власть, и это есть свобода.

Битва почти завершилась, а мой Туманный так и не вступил в бой.

Голова последнего монстра отлетела, с плеском упав в озеро. В воде, подсвеченной голубыми водорослями, словно разлитые чернила, растворялась отравленная кровь, от которой за долю секунды прямо на глазах растения умирали – блекли, теряя свет, а после вовсе исчезали во мраке илистого дна. Яд растекался в святых водах, напоминая о том, что принесут с собой монстры: погибель всему нашему миру. И даже даэвам придётся прятаться подобно крысам. Мы боялись, что люди забудут о нас или восстанут против и уничтожат. И все страхи сбывались сейчас лишь потому, что светлые неусыпно держали их в своих головах. Отец Фредерика дал толчок их воплощению.

На какой-то миг всем моим вниманием завладела эта картина, но раздавшийся кашель заставил обо всём позабыть. Див стоял спиной ко мне, склонив голову и опустив меч, а грудную клетку Люция сотрясал кашель.

Я приблизилась, касаясь его плеч. Моран едва заметно вздрогнул. Обняла его, понимая, что он не желает, чтобы я видела его слабость. Мы были так похожи.

– Ты не дал мне и шанса. Хоть пару монстров мог оставить мне, – прошептала, скользя рукой по его спине. – Я стану сильнее, чтобы быть опорой, как и раньше.

Ответом на мои слова стал хриплый вдох. Я сглотнула, обнимая крепче.

Теневая магия разрушает. А в теле Люция её столь много, что хватило бы на десятки мортемов. Ему следовало скорее избавиться от этой силы.

– Эти твари... – Взор скользнул по скрюченным телам и головам, лежащим по берегу. – Они появились из-за кристалла. – Поначалу я хотела спросить, но неожиданно сама всё осознала.

Когда я взяла сердце богини в руки, то слышала их всех. Нечисть чувствует угрозу? Но разве возможно, чтобы ревенанты преследовали одну цель? Вечный голод – вот что гнало их вглубь материка. И только когда тьмы становилось слишком много, у нечисти появлялись зачатки разума. Но пора было признать: в мире, в котором я проснулась, было возможно всё.

Люций перестал кашлять, и на озере вновь воцарилась тишина, как в те ночи, когда мы вели безмолвные беседы. Я старалась не шевелиться, боясь его потревожить. Мы могли позволить себе несколько минут отдыха. Несмотря на то что диву явно стало лучше, он крепче обнял меня, положив голову на плечо.

Меня окружили сладковатый аромат мяты и тепло чужого тела. Я оцепенела, почувствовав, как наливается жаром кожа, – меня смутила собственная реакция на близость.

– Тебе ведь уже лучше? – спросила я, убирая ладонь с его спины.

Позади враждебный орден, вокруг монстры, возможно, нечисть вновь явит себя, а наши соратники ждут дальше по дороге.

– Возможно. Не уверен... Ещё немного, Сара.

– Хорошо, – отозвалась, смиряясь. – В прошлом нас бы за это наказали. – Невольно губ коснулась улыбка. В юности нам подобное никогда бы не простили. Если бы кто-нибудь увидел такую близость между светлой и тенью, то разразился бы... скандал? Это слово и вполтину не описывает всех проблем и неприятностей. А теперь, кажется, стало всё равно.

В этот миг я вдруг поняла, что не ощущаю тело Люция так, как ощущала остальных. Ни в обители Сорель, ни теперь изменившийся дар не давал о себе знать. Душа не стремилась обрести чужое лицо.

– Многим и в голову это не приходило. – Голос дива прервал мои мысли.

– Что? Наказание?

– Нет. То, что мы настолько близки.

– Настолько близки... – повторила я за ним. – Насколько?

– Брось, Сара. Ты ведь и так обо всём уже догадалась. – Он засмеялся, попытался отстраниться, но я вновь вцепилась в его спину.

– М-м-м?

– Мне надо восстановить самообладание. Не смотри на меня.

Мой ответ вызвал ещё один приступ смеха. Пальцы мои запутались в пепельных волосах. Ему смешно, а я дышать не могла. Для моих эмоций, ставших стократ сильнее, происходящее было слишком.

– А я так переживал, что Сара Сорель перестала реагировать на мои слова. Так тяжело стало её дразнить. Но вот я вновь нашёл то, что не оставляет тебя равнодушной.

– Не смей... при других, – нахмурилась я, не хватало ещё краснеть, как легкомысленная девица, на чужих глазах.

– Не обещаю, – прошептал он, отклоняясь, почувствовав, что моя хватка на его спине ослабла. – Иначе ты, Сара, будешь ещё долго закрывать на всё глаза.

– Портал, в первую очередь мы должны... – начала я, будто повторяя заученную фразу.

– Мы закроем его. Доверься мне, – сказал Люций, а мой

взор утонул в радужках цвета луны на небе. Я всё ещё сжимала прядь его волос, едва не светившихся белизной свежевыпавшего снега. Я смутно помнила снегопад из детства: мы с отцом жили на землях Феросии, и в зимние месяцы там раз в несколько лет выпадал снег.

Борясь с оцепенением, я хрипло проговорила:

– Мне надо закопать могилу.

Люций удивлённо моргнул, будто ожидал услышать всё что угодно, кроме этого. Но положение было достаточно серьёзным, чтобы он не посмел это комментировать, вновь переводя всё в шутку. Отстранившись, он перешагнул через растянувшееся рядом тело. В умелых руках стали появляться печати, одну за другой он рисовал их, почти не глядя.

Я, покачав головой, отвернулась, возвращаясь к потревоженному захоронению и погребальному камню. Люций собирался сжечь тела тварей. Пусть их головы были отрублены мечом, но после этого предать плоть огню вернее всего. Хоть и не очень благоразумно, учитывая, где мы и в каком положении.

Направившись к могиле, я задумалась о том, куда подевался прах. Неужели его поглотил кристалл? Вещь магическая – кто знает, на что он способен. Или же прежний глава ордена Сорель развеял останки, когда прятал сердце.

Опустившись перед ямой с урной, я ощутила зловонный запах горелой плоти: Люций активировал магические печати. Я стала дышать ртом, чтобы хоть как-то спрятаться от

этой вони.

Все вопросы остались лишь вопросами. Бросив последний взгляд на пустую урну на дне могилы, я стала сгребать землю голыми руками. Возможно, подсознательно считая свой поступок непростительным по отношению к той, кто меня воспитала, я решила, что не должна беречь себя от грязи и работы.

В какой-то момент Люций перехватил мою ладонь. Он опустил одним коленом на землю. Стоило нашим взглядам встретиться, покачал головой, точно укоряя за предрассудки. А после встал, утянув меня за собой, и чёрная тень, явившаяся из ниоткуда, принялась за мою прежнюю работу, когда мы направились вдоль озера, мимо обезглавленных тел. Запах, висевший в воздухе, вызывал навязчивое чувство тошноты.

Я оглянулась лишь раз, увидев, как теневое существо, созданное магией Люция, возвращает камень на место. И мы двинулись в путь, скрываясь среди деревьев и покидая Духовное озеро.

– О чём думаешь, Сара? – в какой-то момент прервал молчание Моран.

– Ни о чём, – соврала я. – Надо быстрее нагнать остальную группу, – сказала, занимая все свои мысли действительно важными вещами и переходя на лёгкий бег.

Когда мы выбрались из леса на широкий тракт, по бокам которого росли раскидистые кусты светлого туласи, я снова

посмотрела назад, на очертания далёких куполов, серых в ночи.

Обитель Сорель. Мой дом, ставший едва ли не проклятием. Но я всё равно горячо любила те стены и испытывала тяжёлые, противоречивые чувства к своему брату, ставшему главой. Несмотря на все грехи, обитель оставалась дорога моему сердцу. И я знала, что когда-нибудь вернусь туда вновь.

Минуло около часа, когда впереди показались фигуры дэвов на лошадях. Мы приблизились, приветствуя остальных. Сильфа крепко сжимала поводья, глядя на меня. Она больше не была девушкой, которой лишь предстояло стать во главе своего ордена. Теперь она заняла пост, и свидетельства этого – достоинство и властность – читались в каждом жесте дэвы.

Её взор задержался ненадолго. Сильфа отвернулась, отдавая приказ подчинённым перегруппироваться: половина отряда должна была следовать позади, прикрывая, а оставшаяся часть – впереди. Белая мантия ниспадала светлым покровом по тёмным бокам лошади.

– Можем ехать? – осведомилась она.

– Да. Всё, что хотели сделать, мы сделали, – ответил Люций.

Сезар спустился с лошади, подойдя ко мне, и протянул платок.

– Руки, – произнёс он, глядя на мои испачканные в земле ладони.

– Спасибо, – отозвалась я, принимая осторожно кусок ткани. Необходимо было как можно скорее раздобыть новые перчатки. Я знала, что сейчас неконтролируемого перемещения не случится, но всё же опасалась прикосновений.

– Осталась одна свободная лошадь, вам придётся поехать на ней вдвоём, – бросила Флёр, её кобыла нетерпеливо взрывала землю копытами.

– Это не проблема, – проговорил Моран, взяв предложенную лошадь под уздцы и подводя её ко мне.

Сезар смотрел на это без одобрения. Див смерил взглядом теневого, но ничего не сказал, вернувшись к своей кобыле.

Я первой запрыгнула в седло. Люций был крупнее меня, и как бы я ни хотела, но управлять лошадью было сподручнее ему. Когда он оказался позади меня, я замерла. Мурашки прокатились по спине, напоминая о чём-то то ли забытом, то ли неведомом. Я напряглась всем телом, уставившись на изящные светлые руки с выступающими костяшками, сжимающие поводья передо мной. Ткань рукава соскользнула, обнажая тёмные наручи.

Лошадь зашагала вперёд, ускоряя темп, пока не сорвалась в галоп, и нас с Мораном ещё плотнее прижало друг к другу. Я прикрыла глаза, затаила дыхание, восстанавливая самообладание. Ночь только вступила в свои права, и, чтобы быстрее убраться с земли светлых, нам предстоял многочасовой путь без отдыха.

Ночь была темна, облака плотным растекались по небу. Сердце гулко стучало в груди, но этот стук заглушал топот копыт, слившийся в единое гудение. События прошедших суток всё ещё путали мысли. Разочарование советом орден, где глав волновала не судьба людских королевств, а собственное благо. Брат, который видел во мне лишь орудие. И его истинные чувства, которые усугубляли ситуацию. Они стали причиной случившегося в прошлом нападения на Северный орден, но, возможно, именно они толкнули его на путь, который он избрал. Мне казалось, какое-то время брат противился приказам отца, или это лишь моё заблуждение. Я желала видеть его в лучшем свете, чем он был на самом деле.

Мы провели в пути чуть больше часа, успешно преодолев Сорол и не столкнувшись ни с кем из ордена Сорель. Но в какой-то момент наша лошадь стала замедлять ход.

– Подождите. – Моран поднял руку, привлекая внимание. Позади, прямо у моей головы, раздалось тихое: «Нас поджидают», сказанное шёпотом.

– Кто? – подобралась я. Возможно, светлые предвидели события и на всякий случай выставили конвой на дороге? Во мне проснулись старые привычки воина и желание держать всё под контролем, я инстинктивно обернулась, не увидев лица, но проследив взглядом линии шеи и подбородка склонённого ко мне Люция.

Он задумчиво помолчал, отдавая приказ жестами руки.

Флёр кивнула, приостановилась.

«У нас гости. Не опасны. Но необходимо быть настороже» – так переводились эти молчаливые жесты.

Значит, не воины из ордена...

И лишь после, когда лошадь успела сделать несколько шагов, Люций промолвил:

– Король Исони.

Адриан Исор? В голове сразу появились десятки мыслей. Чего он желает? Следует ли воле Фредерика или ещё кого-либо? Помня о власти светлых даэвов на этих землях, нынешний правитель мог сохранять своё место лишь с их одобрения.

И Фредерик давал понять, что король Исони лоялен к ним. Это можно было заметить по записям в хрониках. Несмотря на наше с Адрианом Исором приветствие в Главном зале, я до конца не знала, что от него ожидать.

Помощь, нападение или ненависть? Желание убить Проклятого? Но он ведь не настолько глуп, чтобы нападать, когда шансов нет? Или полагает, что Люций слишком слаб и станет лёгкой добычей?

Последняя версия казалась самой маловероятной. Но всё равно заставила сощуриться, вглядываясь в полутьму, где колеи дороги виляли, проводя границу между густым высившимся лесом и голым полем с кустами уже срезанной лаванды. Её терпкий аромат стоял в воздухе, обволакивал и казался слишком сладким.

Через пару минут дорога повернула, и мы увидели королевскую карету: её великолепный облик скрывала тьма, но колокольчики из магического металла, тревожимые тёплым ночным ветром, подрагивали и переливались, поднимая тихий тревожный перезвон. Он сливался со звуками ночи и завораживал, будто ускользая от внимания, но стоило различить и понять природу этого звучания, как оно словно становилось громче.

Возле кареты стояли всадники, но почти все они были людьми – паладинами его величества. Лишь один из присутствующих оказался даэвом – высокий, с вытянутым изящным лицом и тонким, как у девушки, носом, беловолосый, с топором вместо меча. Миккель Вечный огонь. Он находился рядом с королём, который оставил где-то свою корону и стоял, всё так же обволакиваемый своим зелёным плащом из кожи чудовища морских глубин, что больше не пылал цветом закатного солнца.

– Какой неприятный сюрприз. – Каждое слово Морана прозвучало чётко, словно он раздавал пощёчины.

– В самом деле сюрприз? Для беглецов вы долго добирались сюда.

– Интересное замечание, учитывая то, что сбегали из Главного зала совсем не мы, а вы, – с обманчивым спокойствием заметил Люций. Лошадь стояла боком к монарху, переступая с ноги на ногу. – Явились по наши головы? – Люций обвёл взглядом короля, усмехнулся, словно не слышал

шутки смешнее, а после немного смягчившимся тоном продолжил: – Или желаете что-то предложить?

– Возможно. Хотя я бы взял с собой гораздо больше людей и представителей вашего народа, если бы в самом деле желал вашей крови, – ответил Адриан Исор с достоинством монарха.

– Забавно, что вы считаете, будто у вас был бы хоть малейший шанс, – заметил теневой див.

Пока Люций говорил, уголки губ Сильфы дёрнулись. Моран вновь устраивал представление, а она с готовностью им наслаждалась. Мне же подобное поведение было не по душе, но у Люция явно имелись свои счёты с королём, и, несмотря на собственное недовольство, я не собиралась показывать его на глазах у посторонних.

Теневой див больше не мальчик, чтобы слушать мои замечания. Какими бы близкими ни были отношения между нами, я должна уважать положение, которое ныне занимал Моран.

К тому же, возможно, провокация – тоже часть его плана.

Я задумалась. Люций всегда довольно уважительно относился к своим приближённым, а язвительность и уколы нередко приносили пользу, доводя его врагов до белого каления.

Ситуация во время совета в обители Сорель служила прекрасным тому доказательством. Мудрые главы орденов, которые должны сохранять холодный рассудок, несмотря ни на

что, пришли в неистовство. Из-за собственного гнева даже не смогли слаженно напасть.

Навыки Морана в игре на чужих нервах за время моего сна достигли небывалых высот.

– Сара Сорель, могу ли я рассчитывать на благосклонность старого друга? – раздался голос Адриана Исора. Мой взгляд вновь метнулся к нему, и про себя я в очередной раз отметила, как он постарел.

Из-за своих мыслей я упустила часть их разговора и оказалась в затруднительном положении. За мгновение меня накрыло смятение. Я молчала уже достаточно долго под направленным на меня полным ожидания взглядом.

Тревожная атмосфера была наполнена важностью происходящего. И тем хуже сейчас бы выглядела моя просьба повторить сказанное.

Я уставилась на короля, мучительно обдумывая своё решение, когда раздался хрустальный смех Люция.

– Вы просите благосклонности той, чьё имя использовали на протяжении многих лет. Сколько времени уже храмы Святой Сары принимают подношения? Многие из них не пропускают людей через свои двери, если они не принесут соответствующую плату. И в столице, и в маленьких городах я видел, как желающие вознести мольбы отдавали последнее, чтобы попасть, по их мнению, в святое место. Изящная жестокость. А ведь и половина тех денег не идёт на благо королевства.

Адриан Исор поджал губы, смерив теневого дива холодным взглядом. Вспышка гнева мелькнула на его лице. Он был застигнут врасплох. А мне показалось, что я даже углядела в его глазах толику стыда. Хотя не была уверена, что правильно истолковала его эмоции.

– Вы достаточно умны, глава, чтобы понимать: титул – во все не власть. Влияние даёт сила и поддержка. И ими, увы, я обладаю в меньшей степени. Иногда, чтобы выжить, надо склониться. И я жил с опущенной головой большую часть жизни, лишь бы иметь хоть какое-то право голоса, а не уйти в землю, обратившись прахом, как остальные члены моей семьи. – Взгляд короля Исонии коснулся Флёр. – Бывшая советница главы ордена должна понимать, что жестокие и преступные действия необходимы. Лишь испачкавшись, можно заслужить доверие.

Я смотрела на то, как он говорил, на его стать и властность, достойную монарха. Смотрела на лицо, которое не пощадило время. На морщины, на огрубевшую, совсем не юную кожу, на потемневшие изумрудные глаза. Первое впечатление и моё суждение об этом человеке были ошибочными. Какой была его жизнь, мне совсем не известно, но он однозначно больше не был тем безалаберным юношей, знающим только, как тратить богатство своей семьи.

Люций выслушал его речи молча, не перебивая, я различала лишь его глубокое дыхание, не видя лица. Но когда король замолчал, он спешился, мягко ступая по земле.

– Вот теперь мы можем поговорить. Вы ожидали нас как король, но заключим мы договор с человеком. – Люций усмехнулся одним уголком губ, оборачиваясь и бросая на меня мимолётный взгляд. – Мы не доверяем друг другу, – открыто признал он, – но мы оба доверяем Саре.

Наши взгляды встретились, и я поняла его без слов. Доверие и власть. Было ли это намеренно, но нынешние поступки Люция будто служили доказательством сказанного им в Главном зале на совете.

«Я помогу ей раскрыть всю свою силу и, в отличие от тебя, не стану препятствием», – пообещал он в тот момент.

У каждого своя роль... И моя не только в том, чтобы быть орудием в чужих руках, как того желал Фредерик.

Я спешила. Между делом обернулась и оглядела остальных. Наш своеобразный отряд нельзя было назвать маленьким, лишь одна Сильфа Зефирос с даэвами своего ордена представляла собой грозную силу. Её подчинённые сидели на лошадях с отрешёнными лицами. Взгляд Сильфы же был направлен на даэва из Сент-Морьена, сопровождавшего короля. Подозреваю, как и меня, её волновала нетипичность его облика.

Сезар спустился на землю вслед за мной. Он будто не мог оставаться в стороне, словно воин, приставленный для охраны. Наверное, он вжил в эту роль, путешествуя с супругой главы ордена Сорель.

– Вы ведь отыскали магию богини Эсмиры в светлой оби-

тели? – сказал Миккель. Мне показалось, что буквально секунду назад его взгляд был направлен на мантию в том месте, где под тканью во внутреннем кармане скрывался светлый кристалл. – Сент-Морьену невыгоден портал на материке. Скоро тьмы в Дэвлате станет так много, что даже стена из магического металла перестанет быть для нас надёжной защитой. Больше нигде не будет безопасно. Мы хотим предложить помощь. Поверьте, она вам пригодится.

– О какой именно помощи вы говорите? – Я вновь посмотрела на дива. Считалось, что все даэвы Сент-Морьена и Аркадиана были отступниками. Отступники, не прошедшие тренировок, не установившие связь с мечом, не знающие магических печатей, уступали представителям орденов во всём. Но Миккель вовсе не казался таковым. У него был слишком умный и уверенный взгляд.

– Воины – вам понадобятся силы, чтобы пройти к порталу. Но не только они... – произнёс Миккель, и мне вновь показалось, что он намного старше, чем показывает его внешний облик. И он определённо ведал о том, что говорил. – Вы завладели сердцем, и пока открыт второй раскол, смерть будет следовать за вами повсюду.

– Откуда вы... – начала я, вспомнив ревенантов у Духовного озера. Монстры пришли, когда в моей руке оказался кристалл. Но каким образом он узнал то, о чём я только догадывалась, ещё не будучи уверенной наверняка?

– Мои услуги вам пригодятся, – лишь добавил он, одной

фразой показывая, что разговор закончен.

Повисло краткое молчание. Если услышанное и удивило Морана, то он ничем этого не выдал.

– Не боится ли его величество связываться с теньвыми? Вам могут отомстить, – испытующе взглянул на короля Люций.

– Выбора у меня нет, поэтому мои страхи ничего не значат, – отозвался Адриан Исор и вновь обратился ко мне: – Сара, тяжело оказалось покинуть своего брата?

Вопрос с подвохом. Несмотря на проявленное в обители Сорель дружелюбие, у него имелись свои цели.

– Не сложнее, чем вам дождаться нас. Почему вы спрашиваете?

– Ты выглядела расстроенной, – заметил он. Но я не желала разговаривать о произошедшем в обители.

Я несколько секунд молчала, прежде чем, проигнорировав предыдущую фразу, ответить:

– Каким образом по столице разлетелась весть о том, что я в обители Сорель?

Король на мгновение задумчиво прикрыл глаза.

– Признаюсь честно, это случилось по моей инициативе. Светлые тянули с решением, их надо было поторопить. Но никто не предполагал, что это приведёт к тому, к чему привело. И я не думал, что ты в самом деле вернулась. Хотя у нас уже есть вернувшийся мертвец, на второго я не рассчитывал.

– На вас обратится гнев всех светлых орденов, – заметила

Флёр. Она сталкивалась с правителем Исонии чаще всех из нас. Впрочем, ещё Сезар мог видаться с королём, но он занимал совсем другое положение в ордене.

– Пока им будет не до меня, – с долей беспечности отозвался монарх. Но он был прав. – И у меня есть некоторая защита на этот счёт. Тварей всё больше. Если всё сохранить в тайне, то, когда портал закроют, ситуация изменится. Полагаю, они пересмотрят приоритеты, и появится способ договориться. Если портал будет закрыт, все смерти будут не зря. Это лучше, чем стена, на которую уйдёт несколько лет.

– Я вас услышал, Адриан Исор. Мой ворон прилетит к вам. Но настоятельно советую не предавать нас. Поверьте, я до вас доберусь быстрее светлых, – заверил его Люций совершенно будничным тоном. Но нотки в его голосе показались мне жёсткими, полными холода, пусть на его губах и играла улыбка. – К сожалению, нам надо спешить. Мы готовимся к войне. Светлые лишь из принципа попытаются помешать нашим планам.

Король склонил голову в лёгком поклоне – невиданный жест для правящего монарха.

– Будьте осторожны в пути, – на прощание напутствовал Миккель и добавил, прежде чем направиться к королевскому экипажу: – Следите за своей жизнью, дэва. Никого, кроме вас, кристалл не примет. В случае вашей смерти портал так и останется открытым.

Он слишком много знает. Поразительно много.

– Не беспокойтесь, она не одна, – жёстко ответил Моран, будто именно див из Сент-Морьена угрожал моей безопасности, и отвернулся, направившись к лошади. Кивнув нашим собеседникам в знак уважения и прощания, я проследовала за ним.

– Вы тоже берегите себя, Миккель Вечный огонь. Удивительно, что ваши родители так привержены традициям, – бросил Люций, поворачивая лошадь, когда мы вновь оказались в седле. Сильфа с нетерпением дёрнула поводья, огибая карету, и вместе со своими воинами поскакала вперёд.

– Что ты имеешь в виду под традициями? – тихо спросила я, когда мы отделились от экипажа.

– Много веков назад родов не было и каждому давали уникальное имя. Его имя напоминает одно из тех, которые мне попадались в текстах моей обители в юности, – поделился Люций, ненароком задевая мою руку своей. – Слишком много странностей. От таких, как он, никогда не знаешь, чего ожидать. Не люблю неожиданности.

– Всегда может что-то произойти, – проронила я.

– Верно. Только лучше не давать шанса для предательства.

– Но ты ведь всё-таки отправишь к королю ворона.

Люций ухмыльнулся.

– Отправлю. Но лишь потому, что помощь нам правда потребуется. Насколько бы мы ни были сильны, в одиночку заплатим слишком большую цену. А это не только наша война.

Война... Это слово рождало тревожные чувства. Мы словно застыли в ожидании сильнейшего шторма. Всматриваемся в чёрное небо, в нависающие тяжелые облака, готовые нас поглотить, видим молнии и по звуку грома понимаем, насколько близка буря. Но поделать ничего не можем...

– Первой жертвой на войне становится правда, – вдруг раздался голос. Флёр беззастенчиво подслушала наш с Люцием разговор. – Как и последние три десятка лет, людям и остальным светлым скормят ложь.

– Ничего, мы знаем, как с ней бороться.

Я повернула голову, задавая безмолвный вопрос: «Как?»

Див пожал плечами.

– Придумаем историю поинтереснее.

– А после спустя сотни лет эти легенды будут гулять среди народа, – усмехнулась Флёр.

– Верно. Прямо как сейчас, – произнесла я задумчиво, отмечая всю превратность ситуации. В следующую секунду Люций дёрнул поводья, и наш отряд вновь пустился в долгий путь.

II

Странствующий служитель храма

Мы много лет изучаем энергию Серого мира и тварей, которые появляются в Дэвлате благодаря ей.

Но, несмотря на это, у нас до сих пор нет точных ответов на вопросы:

Чем именно является тьма?

Почему она изменяет созданий Дэвлата?

Правда ли то, что её породили людские кошмары, грехи и страхи?

Она является отражением нашей «тёмной» стороны?

Мы можем лишь строить догадки и надеяться...

Надеяться, что не станем жертвой отравы, которая терзает наш мир.

Мысли даэва-философа

Сара Сорель

Когда солнце, поднявшись высоко над горизонтом, стало припекать, несмотря на осеннюю пору, мы решили спешить-

ся, отдохнуть и немного переждать. Даэвы нуждались в передышке в меньшей степени. В конце концов, когда лошадь переходила на шаг, можно было вздремнуть в седле. Но мы провели верхом слишком много часов, и следовало позаботиться о животных.

Съехав с дороги, мы углубились в лес, спускаясь в низину. В воздухе пахло сырой землёй после прошедшего на днях сильного дождя.

Место для стоянки было выбрано не случайно: неподалёку находился ручей, у которого можно было пополнить запасы воды и напоить лошадей. Благодаря тому, что даэвы постоянно путешествовали, наши карты были крайне подробными. На них особенно тщательно наносились любые водные источники.

Когда мы остановились на привал, двое подчинённых Сильфы из предосторожности обошли лагерь, создавая печати тишины.

– Скорее всего, за нами последуют Золотые маски, – произнесла Флёр, вспоминая группу воинов, которые считались одними из самых опасных в обители. Именно они занимались охраной главы ордена Сорель. – Не думаю, что Фредерик Сорель оставит всё как есть.

Дэва перевела выразительный взгляд с меня на Люция. Но вскоре снова стала ходить из стороны в сторону, разминая затёкшее тело.

Моран будто и не слышал её слов. Мягко ступая по земле,

он отошёл от лошади, а после опустился на траву, растягиваясь, словно прилёг на мягкую перину, совсем не беспокоясь о чистоте своего одеяния.

Наверняка вновь использует печать времени... Теперь он применял её по пустякам. В годы учёбы в академии подобный символ бы выпил значительную часть его сил.

Через мгновение в руке Морана оказался кристалл, и он прикрыл веки. Некогда прозрачный камень стал темнеть прямо на глазах – Люций избавлялся от излишков теневой силы в своём теле. О подобном перемещении магии нигде не упоминалось, и наверняка его тяжело было контролировать даже с нынешними способностями дива.

Может быть, поэтому я так внимательно наблюдала за его движениями. Любопытство и страх. Только не перед тенью, а за него. Мысли об этом раз за разом посещали мою голову. И я до конца не понимала, что именно не даёт мне покоя. Но думы вызывали мрачные чувства и заставляли вновь пристально смотреть на Морана в поиске ответов. Я ведь знала: Люций не всесилен. И он уже сделал слишком многое в одиночку.

– Командир Золотых масок не участвовал в событиях на месте второго раскола. Но мне всегда казалось, что он знал больше, чем остальные, – негромко заметил Сезар, в задумчивости опуская голову. Он успел спешиться и, выпрямившись, мазнул взором по теньвому, лежащему на земле, – наверное, последнее его раздражало. Сезар всегда был педан-

тичным. Хотя об этом, подозреваю, в настоящем мало кто знал. Но я была уверена, что эта его черта ничуть не изменилась с детства. Просто он научился хорошо её скрывать.

– Тут ты не ошибся, – холодно подтвердила Флёр. – Все, кто находится подле главы ордена, знают истину. А глава Золотых масок питает давнюю нелюбовь к тeneвым.

– Давнюю нелюбовь? – спросила я, бросив взор на Люция. – Почему?

Взор дэвы скользнул в сторону.

– Разве для этого нужны причины? – Она усмехнулась. – Даже если забыть о закрытых границах Акракса и Люции... То сама знаешь, для ненависти между светлыми и тeneвыми никогда веских оснований не требовалось.

Я кивнула, но изначально мне показалось, что за словами Флёр скрывалось нечто большее.

За время беседы низину накрыло облако терпкого дыма. Регис сидел на земле, сплетя ноги, и, забив трубку, не отнимал её от рта. Он так увлёкся, что табак в чаше заалел. Кьярин закашлялся, выругался, а после одним резким движением вырвал трубку у задумавшегося над чем-то врачевателя и вытряхнул весь табак на землю. Прикрывая локтем нос, младший Рок яростно втоптывал в почву остатки сушёных трав. Регис, не ожидавший такой наглости, запоздало очнулся, вскочил, и между двумя светлыми затянулся спор.

Сильфа закатила глаза.

– Как дети малые.

Я отвела взгляд от ругающихся дивов.

Люций всё так же лежал на траве, подмяв стебли. Кристалл, который он сжимал в руке, потемнел – внутри него клубилась теневая сила. Буквально на секунду Моран открыл глаза, и я увидела радужки, сплошь залитые тьмой.

Один из подчинённых Сильфы вздрогнул и побледнел, заметив то же, что я.

Зелень рядом с ладонью Люция белела, покрываясь льдом. Я долго не могла оторвать взгляд от мужских пальцев, сжимавших камень. Указательным пальцем див небрежно постукивал по одной из граней, пока жизнь вокруг умирала. Растения не могли выдержать даже короткого соприкосновения с силой, которую он носил внутри.

– Что ещё занимательного произошло на совете? – прервала тишину Сильфа, усаживаясь в тени дерева. – И кем был тот див рядом с королём? Почему он упоминал Сент-Морьен?

– Он его представитель, – бросила Флёр, жуя жёсткое вяленое мясо. Рядом сидел Блез, который отрезал от большого куска полоски поменьше и передавал дэве.

– Представитель? – Бровь главы ордена Западных ветров изогнулась. Она прекрасно слышала разговор между нами и королём Исонии, но, похоже, решила уточнить. Задумчивый взгляд упёрся в одну точку. – Он не похож на отступника... Но и от нас тоже отличается, – озвучила Сильфа мысль, которая посещала и меня.

– Сент-Морьен окружён стеной с вкраплениями магического металла, и сама почва таит его крупницы. Но даже они сильно обеспокоены, – прожевав мясо, сказала Флёр.

– В Дэвлате не осталось больше безопасных мест, – вымолвил себе под нос Винсент, подходя к импровизированному кругу.

– Это предупреждение костей? – заинтересовался Регис, повернув голову и отвлѣкшись от перепалки. У ордена Рухх имелись реликвии – кости птицы Рухх, благодаря которым можно было получить ответы на многие вопросы. Но дух существа был своевольным и нередко игнорировал призывы к нему, не давая никаких предсказаний.

– Это мой вывод. Из-за энергии Серого мира, которую я чувствую с каждым месяцем всё больше, – вмешался Кьярин, вновь обращая внимание врачевателя на себя. – Все прошедшие годы количество тьмы росло. Каждый день я вынужден свыкаться с тем, что чувствую лишь вонь. Сила теневых даэвов пахнет землёй, но от тьмы из портала несёт гнилью и кислятиной. И когда кто-то жжёт всякую дрянь... – Взгляд дива мазнул по врачевателю, который, отобрав свою трубку, вновь собирался её забить. Младший Рок, сощурившись, процедил: – Становится невыносимо.

Регис нахмурился. На какой-то миг показалось, что он проникся страданиями дива, но после безразлично фыркнул и заново начал забивать чашу сушёными лекарственными травами.

– Что, даже Аркадиан может пострадать? – осведомился Регис, доставая заготовленный лист из бокового кармана сумки с начертанной на нём печатью огня. – Занятная у тебя способность. Её бы изучить, у меня есть...

– Нет, – зло бросил Кьярин.

– «Нет» – Аркадиан не пострадает? Или «нет» – изучить нельзя? – спросил врачеватель, раскуривая трубку. Лицо Кьярина наливалось красным. Не удивлюсь, если когда-нибудь эти двое подерутся.

– К ночи мы будем проезжать город. Я останавливался в нём в прошлом году. У местного управляющего оказалась большая конюшня, – спокойным, но твёрдым голосом произнёс Сезар, беря свою кобылу под уздцы и собираясь отвести к ручью, что притаился в лесу. – Там мы сможем раздобыть ещё одну лошадь, – отстранённым тоном добавил он, бросая мимолетный взгляд на Морана.

– Думаешь, он ещё не опустел? – заинтересовался Винсент.

– Не у всех есть возможность уехать. Для многих дом и хозяйство – единственное, что у них есть. Они будут голодать, если покинут город, – отозвался див.

Предложение Сезара сочли разумным. Мы с Люцием на одной лошади только замедляли отряд.

Спустя несколько часов мы вновь двинулись в путь. Во время привала я одолжила у даэва из ордена Западных ветров книгу, чтобы занять себя в путешествии. Следуя по до-

рогам, петляющим около основного тракта, иногда заходя в лес или пересекая лавандовое поле с уже срезанными кустами, мы постепенно продвигались, подбираясь всё ближе к границе. Пару раз нам попадались дороги, ведущие к Астерии. Столица Исонии была сердцем юга, и, словно вены, к ней вели десятки путей.

Астерия... Я вспомнила залитый солнцем песчаный берег и длинную колоннаду, которая полукругом опоясывала побережье, врезааясь и уходя глубоко под землю, поддерживая один из районов города, – высота, на которой находились столица и море, немного разнилась. Астерия утопала в зелени, которая будто сражалась с подступающими со стороны Феросии песками.

Читая, спустя какое-то время я почувствовала чужой подбородок на своём плече. Застыла, глядя перед собой, видя тень сбоку от себя. Я чувствовала чужое дыхание и прядь волос, что коснулась шеи.

– Что? – спросила, слыша, как хрипит голос после долгого молчания.

– Мне скучно, – неожиданно раздался ответ, который сначала удивил, а после вызвал ком в горле. Я прикрыла книгу, удерживая большим пальцем страницу, на которой остановилась. Тем временем Люций отклонился, давление с моего плеча пропало. – Ты помнишь первую охоту на третьем году?

Я покачала головой. А Моран задумчиво продолжил:

– Тогда мы впервые столкнулись с ревенантом и смертью.

Не считая того случая, когда нам было по шестнадцать.

– Чьей смертью? – Мой голос всё ещё звучал сипло.

– Людей, – уточнил див. – Тебя потрясла их смерть. Поначалу я считал, что воспоминания и опыт возвращаются к тебе одновременно. Но нет, опыт возвращается скорее.

– Может быть, ты и прав, – согласилась с ним, понимая, на что он намекал. Ведь я сама считала, что кровопролитие, случившееся у обители, должно было сильнее повлиять на меня. – Твоя подвеска с вороном... Фредерик сорвал бы её вместе с ограничителем в тот день, когда открылся портал. Как ты сумел её сохранить? – внезапно спросила я у Люция. Ранение на шее Морана едва не стоило ему жизни. Его нанесли под влиянием эмоций. Мой брат был ослеплён яростью и ревностью. И наверняка забрал бы в качестве трофея не только ограничитель, но и вторую подвеску.

– Я снял её в обители, – ровным тоном отозвался Люций.

– Почему? Тебя заставили?

Его дыхание стало немного громче.

– Нет, не заставили. Отдал медальон сестре, когда напали на орден, чтобы она могла себя защитить.

Но она не смогла... Сестра Морана была на несколько лет младше его самого, я не знала, насколько...

«На пять лет... пять», – вспыхнула мысль в голове, являясь отголоском воспоминаний. Она слишком рано покинула этот мир. Стала жертвой чужих страхов и жадности власти. Ревенанты были злом во плоти, без чувств, без разума. И тем

страшнее проступок ордена Сорель. Убивать свой же народ. Существует ли преступление ужаснее?

Я мрачно уставилась на окружающий нас пейзаж, не желая продолжать этот разговор. Сбоку от дороги раскинулось маленькое озеро – в этой местности они не были редкостью. Небольшие источники попадались то тут, то там, начиная с севера Исонии, ближе к Турису и в направлении Академии Снов.

Под ногами протекали подземные реки. Я вспомнила о знаке ордена Хранителей, что на самом деле оказался не просто символом, а картой. Три круга разных размеров, заключённые в один и пересечённые линией. Окружности – это главные тоннели, у которых наверняка имелись ответвления, а диагональная линия – подземная река, которая, судя по всему, закольцована, а значит, неестественна. Это результат магии. Её кто-то создал. И это было поразительно.

«Даже не верится, что кто-то из даэвов мог сотворить подобное... Разве что боги приложили к этому свою могущественную силу», – подумала я ненароком.

Опустив голову, я вновь уткнулась взглядом в текст. Спустя пару часов окружающие пейзажи стали надоедать даже мне. Местность была однообразной.

– Если тебе до сих пор скучно... – неловко проговорила я, взвешивая каждое слово. – Может, тоже хочешь? – Жестом показала на книгу.

Люций, не встретив сопротивления, взял у меня из руки

фолиант. Но вместо того чтобы погрузиться в написанное, Моран, помахав краем обложки у моего лица, сказал:

– Мы можем почитать вместе. Начнёшь?

– Я не буду читать вслух.

– А я и не просил вслух, – парировал он, намекая на кольцо, сотворённое из кристалла. Предлагает мне вновь его надеть?

Я покачала головой, вспоминая о светлом сердце, спрятанном в кармане мантии.

– Верни мне книгу, раз она тебе не нужна.

– Нет, – ответил он, вновь дразня меня, и показал корешок фолианта.

– Что это за игра такая? – недовольно спросила я.

– Увлечательная.

– Я бы с этим поспорила, – проворчала под нос. – Я не пойду у тебя на поводу, Люций.

– Да? – так же тихо ответил он. – Ты уверена?

– Я скорее столкну тебя с лошади.

– Вместе со мной ведь упадёшь, – усмехнулся Моран. – Хм. Легенды о Дэвлате? Ты ведь надеешься отыскать там что-то интересное? – поинтересовался он как ни в чём не бывало.

– Да. Мне стало любопытно, – сжав края седла, ответила я, с готовностью сменяя тему разговора. – Раз легенды о сердцах оказались правдой, и остальное может не быть ложью.

– Кто знает, – неопределённо изрёк Люций, и по тону его

голоса мне показалось, что он что-то скрывает.

– Что ты утаиваешь?

– Почему сразу утаиваю, Сара? Тебе надо лишь спросить.

– Полагаю, мы уже в таких отношениях, когда мне не надо спрашивать.

– А в каких мы отношениях? – раздалось мгновенно крайне заинтересованным голосом.

Я вздохнула, прекрасно осознавая, что, скорее всего, все окружающие нас даэвы слышат наш разговор.

– Это тебя развлекает?

– О да. Ничто не забавляет меня сильнее, чем беседа с тобой, – с готовностью сообщил Люций. – Но это и тебе идёт на пользу.

– Мне на пользу? Почему?

– Кажется, ты снова плохо спишь, Сара, – произнёс Люций, снова напевно растягивая моё имя.

Я замолчала, вспоминая, как просыпалась от кошмаров. Но с каждым днём после пробуждения, по мере возвращения воспоминаний, их становилось всё меньше.

Но как болтовня Люция была связана с моими кошмарами, оставалось загадкой. Только если...

– Что ты знаешь о написанном здесь? После случившегося с нами ты должен быть более суверен, – спросила, всё же забирая издание из руки Морана и чувствуя, как он вновь кладёт руку мне на плечо.

– Как ты помнишь, я всегда любил читать.

– Ты всегда знал больше остальных.

– Возможно, – уклончиво сказал див. – Но я не об этом хотел сказать. Фатта было под силу создать сердца богов. Магия или алхимия. Истории, конечно, приукрашены. Но есть в них такие детали, которые намекают, что лучших создателей артефактов, чем фатта, не существовало в Дэвлате. Реликвии орденов служат тому доказательством. Даже мой отец никогда не понимал, как действует кулон, заявляя, что магия в нашей крови. Скорее всего, магию привязали к роду Моранов, но она являлась не причиной его силы, а лишь источником. Всему есть объяснение. – Он сделал внушительную паузу, прежде чем добавить: – Может, и сердца богов – их творение?

Подъезжая к городу, о котором рассказывал Сезар, мы ещё издали увидели огни, горящие на улицах. А на подступах к поселению нас встретили столбы со светлыми магическими печатями, ярко пылающими во тьме. Вырезанные знаки сияли столь ослепительно, что казалось, будто в выскобленные в дереве прожилки залили раскалённый металл.

«Светлые даэвы либо прямо сейчас находятся здесь, либо в последние сутки проезжали его», – насторожилась я. Но это вовсе не означало, что воины, с которыми мы могли столкнуться, искали именно нас. Велик шанс, что это странствующий отряд. Даже в моё время даэвы регулярно объезжали земли, уничтожая нечисть.

Решив действовать осторожно, мы направили лошадей по узкой дороге, огибающей городок вплотную к домам. По её краям виднелись старые прилавки: вместо ножек использовались расколотыя поленья, на которые сверху накрывали пару досок. Днём здесь наверняка торговали, обменивались сплетнями и встречали редких путешественников. Но в это позднее время место пустовало, находясь во тьме наступившей ночи, которую немного разгонял свет, проникающий сюда с сильно освещённых улиц: люди разжигали яркие костры, и их сизый дым поднимался в тёмную синь неба, а танцующие тени тревожно гуляли по стенам, лицам и крышам домов. Гнетущую тишину иногда нарушали отголоски разговоров, а вскоре мы едва не столкнулись с людьми: группа мужчин, довольно тучных и дородных, сидели у костра, по-видимому сторожа границу городка. Они держали в руках дымящиеся пучки сушёной лаванды, то и дело бросая опасливые взоры во тьму.

Когда минувшей ночью мы проезжали мимо Сорола, то наблюдали похожую картину – город не засыпал с приходом тёмного времени суток. Слухи, разлетевшиеся по Исонии, были столь зловещи, что лишали сна.

Оставляя вокруг себя печати тишины, мы скрылись в примыкающем к дороге лесу. И, немного отдалившись от неожиданно встретившегося дозора, спешили. Наша лошадь часто стригла ушами, прижимая их к голове. Люций ободряюще погладил морду животного, будто понимая его усталость.

В город отправились я, Люций, Кьярин и Сезар. Последний бывал на его улицах и помнил, где жил управляющий.

Остальные должны были присмотреть за дорогой, чтобы нас не застали врасплох.

Возможно, мне стоило остаться с ними, но я хотела изучить обстановку в городе. Теперь любой укус мог обратиться даже праведного человека в нечисть. Не стоило недооценивать угрозу от самого людского рода. Когда мир штормит, напасти идут следом друг за другом. Обнажаются худшие стороны характера. Война превращает некоторых людей в зверей. И в нынешней ситуации, когда энергии Серого мира в Дэвлате очень много, именно люди паникуют сильнее всего, и кто знает, к чему это может привести.

Иными словами, проблемой станут не только монстры. Открытый портал порождает другие препятствия. Я испытывала смутную тревогу, какое-то предчувствие, которое списала на интуицию.

Надвинув поглубже капюшон и ступив на колею дороги со свежей насыпью земли, я скосила взгляд на Кьярина, который шёл на пару шагов впереди своей резвой, полной энергии походкой.

У младшего брата Винсента было лицо молодого юноши с очень тонкими чертами и выступающими скулами. Будто не воин, а отпрыск аристократической четы, который получал образование в одном из закрытых элитных заведений столицы.

Я заподозрила, что Кьярина отправили в город вместе с нами, чтобы они с врачом вновь не сцепились. Регис остался – могло стать помехой то, как неважно он управлялся с мечом. В то же время вся свита Сильфы Зефирос состояла из самых умелых воинов. Иначе бы глава ордена просто не покинула обитель. Из разговора на привале я поняла, что в отсутствие дэвы её место временно вновь заняла мать, уступившая столь важный пост своей дочери почти восемь лет назад.

В очередной раз поправив капюшон, я прибавила шаг. Ладонь мимолетно коснулась эфеса Туманного, сжимая его вместе с тканью плаща, разделяющей металл и кожу.

Люди в городе беспокойно мельтешили по улицам. В основном это были мужчины. Кто-то подтаскивал дрова и следил за костром, чтобы он не разгорался слишком сильно и в то же время не потух. Нам попалась семья, которая прямо в этот час покидала город. Но не все могли позволить себе повозку или даже лошадь – так же как и вовсе покинуть его. Сезар был прав.

Чужой страх словно отягощал сам воздух. Беспокойство застыло в каждом лице.

Но в царящую тревогу внезапно вклинился крик паренка, который бежал вниз по улице. Его тонкий голос, ещё не успевший сломаться, словно отскакивал от стен окружающих домов, усиливаясь и разлетаясь по ночному городу. Засмотревшись на один из домов, в окнах которого появился

свет, он неожиданно поскользнулся на ещё не до конца высушенной луже, оставшейся после дождя. Он врезался в Люция и, в попытках устоять, вцепился в его плащ, потянув ткань вниз. Она натянулась, оголяя шею даэва. Змея из сока морозии сверкнула в отблеске пламени ближайшего костра.

Мальчик, быстро опомнившись, восстановил равновесие и поднял голову. После вздрогнул и, стремительно попятившись, боязливо поклонился.

– Извините, господин, – пролепетал он, то ли просто осознав, что перед ним даэв, то ли заметив змею на шее и поняв истинную личность дива.

Внимательно наблюдая за лицом паренька, я подумала, что скорее первое. Страх перед Проклятым казался слишком велик на светлых землях. Ребёнок не был бы столь спокоен, если бы догадался.

Думаю, и Люций считал так же. Как ни в чём не бывало див обыденным движением поправил плащ и мягко спросил:

– Ваш управляющий ещё в городе? – Моран изящно поднял пустую ладонь. Через мгновение между пальцев оказалась зажата золотая монета с ликом солнца.

«Она у него из кармана вывалилась?» – огорошенно подумала я, моргнув.

А у ребёнка дыхание перехватило от вида золота. Его глаза лихорадочно заблестели.

– Управляющий... – пробормотал он, а после закивал и махнул куда-то себе за спину: – Да-да. Он там, на главной

площади перед храмом.

– А лошади из его конюшни... – благожелательным тоном начал Люций.

– Лошади? – озадачился ребёнок. Сощурился, заподозрив неладное, но после тряхнул головой, будто убеждая себя, что его это не касается. – Они на месте. Только я слышал, – заговорщически прошептал он, – их собираются того... Увести ближе к столице. Там у нашего главного зять живёт. Так, говорят, он в своём табуне души не чаёт. Они для него дороже нас, людей, – выпалил он, а после осёкся, пугливо заозиравшись.

Люций потрепал паренька по макушке. Светлые пальцы особенно выделялись на тёмных волосах. А ребёнок вздрогнул, нахохлился, как испуганный птенец.

– Держи. – Вместо золотой монеты Моран протянул ему один серебряный, что было гораздо меньше первоначально обещанной награды. Но вместе с монетой в руке мальчика оказалась печать – сложная, дарующая защиту и укрывающая от тварей лучше любой веточки лаванды. Она сияла, наполненная силой. Такая продержится неделю, не меньше, и стоила она гораздо больше золотой монеты. Особенно в нынешнее тёмное время. Ведь подобные печати отнимали у даэвов много сил. – Спрячь, носи при себе и никому не показывай, – покровительственно произнёс теневои.

Глаза ребёнка широко распахнулись, напоминая блюдца, и он ошалело кивнул, держа листок бумаги с такой осторож-

ностью, будто тот мог его обжечь.

– Беги, – проронил Люций. И мальчик, словно только этого и ждал, с готовностью припустил прочь, уносясь за наши спины и пряча дары в карманах одежды.

Обернувшись, я увидела, как он ещё несколько раз неверяще оглядывался на нас, а после немного охрипшим голосом вновь стал кричать, разнося местным жителям новость:

– Странствующий служитель храма созывает всех на молитву! Приходите на площадь! Странствующий служитель храма...

Несмотря на наступившую ночь, двери ближайших домов открывались. Его слова точно выгоняли людей на улицу.

– Было опасно давать ему золотой, – как бы между прочим пояснил Люций. – Слишком большая сумма, могли отобрать.

– Верно, – согласилась я. Что же насчёт магической печати... Не все осознавали её ценность. – Но где его родители? – спросила я, слушая, как затихает звонкий голосок. Какой родитель позволит ходить собственному ребёнку ночью одному?

– Скорее всего, у него их нет, – ровным тоном заметил Сезар, добавляя: – Нам надо повернуть сюда.

Кьярин всё это время, морща нос, напряжённо хмурился. Сложив руки на груди, он с отсутствующим видом брёл следом.

– Насколько твой нюх чувствителен к светлой силе? –

озвучила я внезапно пришедшую в голову мысль. Вопрос был скорее формальностью, ведь никто из даэвов нашего отряда не надеялся на его дар. Значит, почувствовать светлых на большом расстоянии он не мог.

– Кьярин... – позвал Люций, когда брат Винсента меня не услышал, засмотревшись на фасад дома, где над дверью соседствовали два символа: завиток стихии ветра и шестиконечная звезда, заключённая в круг... Последний символ принадлежал теневому богу Фародею. Точнее, считалось, что он взывал к нему. И обычно люди не были столь смелыми, чтобы напрямую обращаться к теневому божеству.

Кьярин, очнувшись благодаря зову Морана, встрепенулся:

– Да? Что?

– Я говорила о светлой силе. На каком расстоянии ты можешь почувствовать светлых? – повторила, тоже отворачиваясь от знаков.

Див задумался, касаясь рукой подбородка.

– М-м-м... Только если они совсем рядом. Но если кто-то из них обладает сильным даром и использует его, то аромат сильнее, – отозвался он. – Вся загвоздка в запахе – он слишком тонкий, и его легко спутать с чем-то иным. Когда я был ребёнком, то ощущал светлых гораздо лучше. Мог находить кого-то на расстоянии нескольких миль. Никто из детей не желал играть со мной в прятки, – поделился он, видимо до сих пор возмущённый последним фактом. – Однажды в лесу потерялась девочка. Искали всем орденом и в итоге нашли

лишь благодаря мне.

– Но из-за раскола твой дар больше не такой чуткий? – догадалась я, вспоминая слова дива во время недавнего привала. Запах тьмы мешал ему жить.

– Да. С его появлением жизнь стала иной. Вонь энергии Серого мира перебивает всё остальное, – согласился он, нахмурившись и недовольно втянув воздух. Кьярин не скрывал эмоций и прямо говорил обо всём.

Я же размышляла о своём даре. До того момента, как оказалась в теле Сезара, я остро ощущала любое присутствие. Причём на довольно большом расстоянии. Было бы очень полезно научиться пользоваться этой способностью в любое время и вне зависимости от того, когда последний раз я прибежала к своим изменившимся силам.

Пока мы разговаривали с младшим Роком, в руке Люция вновь появилась золотая монета, которая ловко перекатывалась между его пальцев. Образ солнца, видневшийся на одной из сторон, посвёркивал, отражая редкие огни улицы. Деньги светлых и теневых земель легко можно было отличить друг от друга, даже не зная гербов королевств, которые обязательно чеканили на одной из сторон. На монетах Феросии и Исонии всегда присутствовал лик дневного светила с расходящимися лучами, а деньги теневых земель венчала луна.

В поселениях вдали от главных трактов обычно жили небогато. Чем меньше возможностей для торговли, тем бед-

нее народ. За исключением редких случаев, таких, как Кервель у гор за Мертвым лесом, что вёл успешную торговлю с теневыми даэвами, продавая им морозию. Или одно поселение в Феросии, которое славилось своим вином. Во многом всё зависело от местного управленца.

В крупных городах пост главы города всегда занимали аристократы. В поселениях поменьше же обычно назначались люди из местных.

Направляясь к дому главного, мы невольно вышли на оживлённую центральную улицу. Следы пребывания светлых даэвов, которые могли оставить печати на столбах на подступах к городу, мы так и не встретили. Вполне возможно, что они уже покинули это место.

Вскоре дорога расширилась, являя скопление людей около необычного строения с конусообразной крышей, деревянной, как и весь фасад. На поверхности последнего же виднелись вырезанные умелыми руками сюжеты легенд. Свет ламп в руках людей выхватывал фрагменты картин. Сюжеты повторялись, но несколько из них особенно привлекали внимание: вот извергается вулкан, и из его жерла выходит огненная фигура; а рядом огромная змея надвигается на грубо вырезанных человечков, ощерившихся мечами. За спинами смельчаков возвели к небу руки молящиеся. Снова нам попались символы теневого бога. В этот раз знаки повествовали о его появлении в Дэвлате.

На стенах храма нашлись и образы, повествующие о нас

с Люцием, но их я намеренно старалась не рассматривать – слишком много повидала за последние дни.

К нашему приходу возле храма уже собралось несколько десятков людей. И их становилось всё больше. Они толпились и толкались, желая оказаться ближе к человеку, посетившему их городок. Люций рассказал, что ныне каждому служителю присваивали сан, и от того, насколько он был высок, зависело отношение обычных людей. Видимо, сан прибывшего внушал людям истинное благоговение, раз этот человек смог навести такую суматоху. И конечно же, немалую роль сыграли тревожные новости с юга.

Рядом со служителем, в окружении воинов, стоял мужчина среднего возраста, с бакенбардами и пышными усами. По словам Сезара, это и был управляющий города. Его одежда: камзол, идеально прошитый красно-золотыми нитями в дань цветам королевства, штаны и высокие кожаные сапоги. Один только цвет ткани – насыщенно-бордовый – говорил о богатстве. Обычный житель маленького городка не мог позволить себе столь яркую материю.

– Я чувствую странный запах, – заявил Кьярин как раз в тот момент, когда кто-то из людей загородил собою обзор. Див принюхивался и морщился, растерянно вглядываясь в толпу.

– Тьма? – осведомился Люций, нахмурившись.

– Похоже. Но не совсем... – Даэв задумался, в лице его отражалось сомнение. – Гниение и сырая земля.

Сырая земля? Недавно на привале Къярин говорил, что так пахнут тeneвые. Но не успела я всерьёз задуматься об этом, как на его лице проступило разочарование.

– Пропал. Я больше его не чувствую.

Люций, сощурившись, огляделся. Поднял руку, и с его ладони взметнулся безмолвно к небесам тёмный ворон. Со всем скоро воссозданное существо растворилось в небесной тьме.

Со вчерашней ночи Моран не использовал силу, разве что перелил избытки её в кристалл. Было ли это случайностью, или он намеренно избегал магии?

Я взглянула под ноги, где потрескавшийся от времени камень покрывал центральную улицу. Из головы не выходила увиденная на стене храма сцена. В сути своей Фародей не был злодеем. Его деяния, описываемые в легендах, являлись спорными и нередко безумными, лишёнными всякой логики. Раньше я считала, что так истории сделали более зрелищными. Казалось, сам образ теневого бога символизировал непредсказуемость жизни. В половине сказаний он терпел поражение от светлой богини. Но, несмотря на это, в некоторых легендах недвусмысленно намекалось на их более близкие отношения. В тех преданиях они представляли собой гармоничную пару, где Эсмירה повелевала, а Фародей сражался за неё. Так продолжалось до тех пор, пока их чувства не стали столь сильны, что отправили их в небытие.

Тени и Свету не бывать вместе...

Было ли это правдой? Легенда родилась из нерушимого правила или, напротив, она и породила его?

Именно неоднозначный облик Фародея позволял молиться ему всем: людям, тeneвым и даже светлым, почитающим его благородные деяния. В историях о боге чётко прослеживалась его нелюбовь и порой жестокость к живым разумным существам и в то же время забота о природе, животных и самом Дэвлате. Одна из самых известных историй – сказка о спасении Красного леса от страшной отравы, охватившей его земли. Когда-то лес поразила неизведанная болезнь, которая стремительно уничтожала всё живое, распространяясь дальше на юг и грозя уничтожить плодородные почвы. И, не найдя иного способа, Фародей опустил на камень в центре леса и проткнул себя своим же знаменитым мечом со змеей на эфесе, из распахнутой глотки которой выросал клинок. Он истекал кровью три дня и три ночи, пока от яда не осталось ни следа. Ведь кровь бога, даже теневого, обладает исцеляющей силой. Но с тех пор сок алых деревьев стал привлекать монстров, которых и в годы нашего обучения в Академии Снов можно было часто встретить в его недрах.

Считалось, что именно с тех времён деревья Красного леса стали кровоточить. На деле же насыщенно-вишнего цвета был сок в их стволах. Он вытекал наружу, скапливался и высыхал на коре, оставляя переливающиеся в свете солнца алые дорожки.

Но возможно, именно эти сказки подарили людям сме-

лость оставлять знаки воззвания к теневому богу на своих жилищах. Историю о Красном лесе я читала и в юности, по настоянию Долорес, и буквально сегодня в одолженной у светлого даэва книге с легендами.

«Забавное совпадение...» – решила я, улыбнувшись.

Мы продолжили наш путь, уходя прочь от храма. Поскольку управляющий бодрствовал, в окнах его жилища тоже горел слабый свет и периодически мелькали силуэты слуг. А на высоком заборе висел продолговатый фонарь с тростниковым светильником внутри.

Дом управляющего, что не удивляло, оказался практически самым высоким в городе – с ним мог сравниться только храм, и то благодаря острой крутой крыше.

– Конюшни за домом, – произнёс Сезар, невозмутимо глядя на ограждение.

– Там есть охрана? – поинтересовался Люций.

– Только собаки, – ответил ему младший Рок.

– Оставим плату в пять золотых монет, – вновь жестом фокусника являя деньги с ликом солнца, добавил Люций.

«Как ни посмотри, это воровство...» – подумала я, а вслух задумчиво сказала:

– Лучше перелезть через забор соседского дома. Так будет неприметнее.

Ближайшее жилище выглядело покинутым. Его хозяева наверняка были зажиточными людьми, и их не сковывали никакие обязательства перед жителями, так что они смогли

быстро уехать из города.

Я с запозданием заметила повисшую тишину. Оглянувшись, обнаружила на себе взоры Сезара и Люция: оба повернули головы в мою сторону. А последний иронично и в то же время с хитринкой улыбался. Кьярин, ничего не замечая, деловито закивал, соглашаясь с моим предложением:

– Верно. Можно перелезть прямо возле конюшен. Тихо выведем лошадь. Но только... Всем идти не стоит.

– Мы с Сарой вернёмся к храму, – тихо промолвил Моран, по-прежнему сохраняя тень недавней улыбки на лице. – На всякий случай. Меня беспокоит запах, который ты почувствовал. Хочу проверить.

С решением теневого дива спорить не стали. И вскоре деревянные доски забора жалобно скрипнули, когда Сезар, подпрыгнув, использовал ограду как опору и перемахнул на ту сторону. Прыжок получился изящным – див даже придержал длинные рукава мантии, чтобы они ни за что не зацепились.

Кьярин, оглянувшись по сторонам, тоже приблизился к ограде.

– Будьте осторожны, – предостерег он.

– И вы, – вернул ему Люций.

Младший Рок напоследок громко втянул носом воздух.

– Этот запах в самом деле был слишком странным, – нахмурился див, прежде чем перебраться на территорию чужого двора. В отличие от Сезара он сделал это быстрым прыжком.

ком, стремительно, едва коснувшись верха досок.

В бою он наверняка компенсировал свой невысокий рост скоростью.

Внезапно со стороны главной улицы послышался шум. Это были голоса людей. Они кого-то приветствовали.

Путешествующий служитель... Должно быть, это он. Нам следовало поторопиться, если мы хотели застать начало его речи.

– Идём, – позвал меня Люций, делая шаг. Его длинные посеребрённые волосы шелохнулись вслед его движению. Накрыло чувство чего-то знакомого, будто десятки раз теневой див звал меня, и каждый раз я следовала за ним по пятам.

– Хочу вина, – сказал Люций, безрадостно осматривая округу.

– У Сильфы вроде бы было.

– Хочу вина с северных земель. У нас оно более сладкое. Мы ведь выпьем его вместе?

После этого вопроса я поняла, к чему изначально был этот разговор. И в этот раз я бы согласилась, но меня отвлекли – мы подошли вплотную к храму, возле которого, стоя в окружении местных служителей и людских воинов, завёл свою речь человек.

Сначала мужчина рассказал о себе, о том, как путешествовал из города в город и нёс веру людям, поведал и о том, как начал нести службу в Хумгарде, столице Срединного королевства. И слова его казались безобидными, пока он не кос-

нулся возникновение порталов в Серый мир.

Жестикулируя, он громогласно вещал, повествуя о плоском Дэвлате и небе, что подобно твёрдой чаше накрывало его. Он утверждал, что наш мир – сосредоточение света, а за его пределами буйствует тьма. И расколы – это не что иное, как прорехи в земле, которые открывают путь для тьмы, захватившей всё снаружи.

История была лживой, но она давала простое объяснение, и то, что звучала она из уст служителя храма, завершало дело. Я видела, как люди менялись в лицах, как сомнение захватывало их умы, а после уступал и здравый смысл под гнётом чужой веры и авторитета.

– Вы не спасётесь без покаяния и жертвы! Покайтесь, иначе Проклятый заберёт вашу душу! – пронёсся по улице глубокий уверенный бас. От него, казалось, вибрировал воздух. Я качнула головой, показывая Морану, что хочу подойти ближе, и направилась в самую гущу толпы, спрятав ладони в рукавах, чтобы случайно не коснуться никого из людей. Из-за людского возбуждения я стала ощущать их тела. Не столь явственно, как после недели в светлой обители до использования дара, но всё же. И помимо этого, реагируя то ли на мои эмоции, то ли ещё не весть на что, меня достигла пульсация силы светлого сердца, спрятанного в мантии.

– Мы ежедневно возносим молитвы Святой! Что ещё ты хочешь от нас? – раздался беспомощный и усталый голос одного из местных. Говоривший находился в стороне от нас с

Люцием – приземистый мужчина с густой бородой и тёмным загорелым лицом, в его рубахе виднелись заплатки. Он выглядел как человек, который постоянно трудился в поле.

Ему ответили почти сразу, совсем не растерявшись.

– Хм, ты говоришь так, будто этого достаточно. Это всего лишь слова, но готов ли ты доказать делом свою веру?

От этого воспоминания мои ладони похолодели. Я испытала тревогу и гнев. События прошлого не отпускали нас. Они нитями пронизывали былое и настоящее.

– Делом? – растерянно промолвили из толпы.

Мужчина в накидке едва сдержал понимающую улыбку.

«Он ждал, когда зададут этот вопрос», – четко осознала я, следя за костлявым человеком. Его ноги были настолько худыми и тонкими, что он всё сильнее напоминал какое-то насекомое.

– Верно, делом, – спокойно подтвердил служитель, делая намеренную паузу, вглядываясь в чужие лица, словно желал знать все на свете ответы. На мгновение прикрыл глаза, усиливая тревожность, воцарившуюся в сердцах. – Принесите жертву Самоотверженной Саре! Докажите ей свою веру!

Его слова подняли волну возгласов и ахов. Собравшиеся спрашивали, о какой именно жертве он говорит. А услышав, вновь ахнули, возразив, что молва, достигшая их городка, гласила, что Святая вернулась в Дэвлат и скоро спасёт их. Разве нуждается она в их крови?

– Проклятый забрал сотни жизней. Он возродился из чу-

жой плоти, обрёл могущество в наших страхах и слезах, – с неугасаемым спокойствием и уверенностью ответил служитель храма. – И как вы думаете, почему Святая так долго не являлась к нам? Самоотверженной Саре не хватало наших молитв? Нет, слов людских сполна прозвучало в её честь. Ей не хватило нашей веры! Как мы смеем просить о спасении, отдав так мало взамен? – Служитель застыл, выпучив глаза и переводя дыхание, а после покачал головой: – Нет, больше мы не будем страшиться. Мы не позволим себе её разочаровать. Могущество Святой возрастет благодаря нашей плоти, отданной добровольно.

Мне показалось, будто меня с ног до головы облили грязью. Я стояла, ощущая, как кружится голова. Виски пульсировали. Недоверие, отвращение и злость сменяли друг друга. Даже богам не приносили ритуальных жертв – это считалось грехом. Но сейчас, прикрываясь добровольным даром, её собирались принести мне.

Будто не хватало того, что мои руки уже давно искупались в крови. Теперь кровь продолжала литься без моей на то воли.

– Ты предлагаешь нам убить себя? – недоверчивым и севшим голосом повторили в толпе.

– Не совсем, – покачал головой служитель, слабо улыбнувшись. – Достаточно лишь одной жертвы. Того, чья душа настолько светла и чиста, что он способен пожертвовать собой ради спасения остальных. На подобное пойдёт лишь поис-

тине верующий человек. Но есть ли среди вас такие? – Мужчина взгляделся в чужие лица. – Нам предстоит узнать.

Последняя брошенная фраза словно взвела механизм часов, отсчитывающий секунды. Пока стрелки шли вперёд, пружина, наоборот, расслаблялась, теряя свой завод. В прошлом это изобретение, которое венчало одну из башен дворца в столице Исонии, поразило меня.

Время словно замедлилось, пока воцарившаяся на несколько мгновений оглушительная тишина не стала разбавляться шёпотом и шарканьем обуви по камню. Толпа поредела, и вот уже можно было протиснуться к самому центру, к границе импровизированного полукруга, где стоял приезжий служитель храма.

А выражение лица его становилось всё более доброжелательным. Казалось, будто он одновременно понимает и укоряет. И это имело поистине неожиданный эффект – совсем скоро люди почти замерли, покидающих площадь перед храмом становилось меньше. Спустя несколько секунд раздался дрожащий голос:

– Это действительно поможет?

– Святые своевольны, – вздохнул мужчина. – Легенды учат нас этому. Но я уверен, что Самоотверженная Сара примет нашу жертву и мы получим знак, – пообещал он.

Раздался шорох ткани – Люций сложил ладони на груди.

– Время идёт, а мир не меняется, – прошептал теневой див. Его голос отрезвил.

– Совершенно не меняется, – согласилась я с ним. Мне казалось, мир становился даже хуже. – Нам надо остановить священника.

Я раздумывала о том, как расчистить улицу. Людей необходимо было отправить по домам, ведь проблема толпы в том, что её тяжело утихомирить. Она как стихия, которая не готова слушать уговоры. А если кто-то узнает нас, станет лишь хуже.

– У тебя есть бумага для печатей? – Я оглянулась на дива, как только в голове появилась идея.

– Конечно, – отозвался Люций, вытаскивая из мантии и передавая мне пустой лист бумаги. На удивление, у дива нашёлся даже грифель. Хотя последний использовали для печатей с неохотой. Лишь в дороге, когда под рукой могло не оказаться чернил. Для знаков важна непрерывность линий, поэтому грифелем необходимо было обводить нанесённые символы, а это трата времени.

Я склонилась, положив лист прямо на брусчатку и закрыв своей тенью. Изначально я хотела использовать другую печать, одну из самых простых, и ограничить её воздействие, чтобы её сила никого не сожгла. Но в тот момент, когда грифель коснулся поверхности, в голове вспыхнул другой символ – сложный, с множеством чёточек, и вот моя рука уже выводила эти линии, всплывшие из глубин памяти. Я знала, что эта магия тоже огненная и подходит в нашей ситуации гораздо лучше. Вот только не понимала, когда и где изучи-

ла столь трудный знак. Взглянув на хитрые витиеватые линии, скрывавшие в себе тень прошлого, нахмурилась. А после поднялась, доверяя своей интуиции. Оглянулась на лица, по которым скользили пламенные отблески свечей, вынесенных на улицу из храма. Посмотрела на широко распахнутые глаза людей с поблескивающими от огня белками. Здесь были даже дети, вместе с родителями слушавшие эту ересь.

Глубоко вздохнув, сделала шаг вперёд, вскидывая руку к ночному небу со струящимися серыми облаками, и влила силу в печать, обращаясь к своей светлой стороне. Прикрыла веки, готовая к тому, что вспыхнет пламя ярче всех вместе взятых костров в этом городишке.

И вдруг... Ничего не произошло.

– Пап, а что делает тётенька? Дождь вызывает? – спустя пару секунд донёсся голос ребёнка до моих ушей.

Я в недоумении открыла глаза. За моей спиной смеялся Моран.

«Что не так? Почему она не сработала?» – задавалась я вопросами, глядя на затейливое сплетение линий. Печать едва мерцала, но явно недостаточно для того, чтобы магия символов обрела форму. Когда я очнулась в склепе, символы тоже выходили не такими сильными, как в юности. Но мне казалось, что я разобралась с равновесием магии внутри себя и теперь могла использовать светлые знаки как и прежде.

– О-о-о, – выдал Люций с приятным удивлением в голосе, заглядывая мне через плечо. Его бровь изогнулась, и он

улыбнулся. – Кое-чего не хватает, – сказал так легко, будто ответ был очевиден. И прежде чем я задала очевидный вопрос, мягко добавил: – Ме-ня.

Тёплое дыхание ласково коснулось уха, а ладонь теневого дива накрыла мои глаза одновременно с тем, как вторая рука коснулась листа с печатью.

Как зажётся знак, я увидела даже сквозь веки. На миг площадь залило алой вспышкой, обдавшей жаром.

И когда я увидела мир, сгусток пламени уже успел взлететь, оторвавшись на несколько метров от земли. Он всё увеличивался и вскоре вспыхнул, разбросав в стороны искры, а в ночи расправила крылья большая огненная птица.

Совместная печать! Та самая, где используют тёмную и светлую силу. Те знаки, о которых мы с Мораном только разговаривали в моих воспоминаниях. Позабутые символы, канувшие в небытие вместе с орденом Хранителей. Значит, мы их изучили и даже использовали вместе.

Даэвы ордена Хранителей обменивались мечами. Это было доказательством их доверия друг другу. Только после они изучали совместные печати. И в прошлом мы оказались настолько отчаянно смелы, чтобы тоже пойти по этому пути. Шагнуть в неизвестность. Ведь опасна была не только эта магия, но и окружающие, которые могли об этом узнать. Новая правда о себе стала ещё одной из оглушающих истин. Предыдущие поступки, какими бы ужасными они ни были, оправдывались безвыходностью ситуации. Но теперь я под-

биралась к решениям, принятым сознательно и словно бы совсем не свойственным мне в прошлом.

«Но почему я постоянно ищу себе оправдание?» – неожиданно спросила саму себя. Это ведь проявление страха. Боязнь взглянуть правде в глаза...

Когда птица воспарила в небо, люди вокруг закричали, ввергаясь в панику. Они падали, вставали и вновь плюхались на землю, убегая прочь от храма. Воцарился хаос. Всё пространство будто пришло в движение, пока мы стояли, словно обратившись статуями даэвов, украшавших Академию Снов и светлый орден Сорель. Хладнокровно и отстранённо, подобно камню. Когда магический огонь устремился к звёздам, жители стали останавливаться, всматриваясь в рваные облака. Но в тот же миг птица, словно передумав, прорисовала огненную петлю и стремительно понеслась к домам. Казалось, она желала спалить всё, что попадётся ей на пути. И это заставило людей спасаться и искать защиты у ночных улиц.

Даже стража, что стояла по ту сторону дороги, свалилась с ног, а после убежала в построенный из дерева храм. Вдобавок они утянули за собой служителя-путешественника и старейшину города, плотно затворив высокие двери. И если бы мы правда желали их убить, то только что они бы похоронили себя заживо.

– И после люди говорят, что я их проклинаяю и убиваю, – задумчиво заметил Люций Моран. – Их и без меня убьёт глупость.

– Но ты ведь правда убивал... – затронула не самую приятную тему. Я знала, что ещё не раз вспомню и спрошу. Но сейчас существовали куда более важные вещи.

– Конечно, всяких бесполезных тварей. Лучше от них избавлюсь я, чем они станут ревенантами. Ты ведь уже понимаешь, как изменился мир, Сара, – отозвался Люций, а вместе с его словами истлевали остатки огненной магии. – Вот уже и ты используешь силу, чтобы пугать людей. Ты видела их лица? Слышала крики? Они думали, что отдадут богам души. Но ты сделала это ради благого дела, чтобы фанатик не успел поселить в их головах пагубные мысли. Сейчас его речи выветрятся, и они всё забудут. Их умы займёт только пламенный монстр.

Теневой див, заложив руки за спину, сделал несколько танцующих шагов к храму. А после остановился, обернувшись и склонив голову набок.

– Разве я в чём-то ошибаюсь, Сара? – Его голос звучал кристально чисто. Он проникал в сознание и будто становился частью моих мыслей. А я в очередной раз почувствовала пульсацию силы кристалла, спрятанного в мантии.

Наши взгляды встретились, захватив внимание друг друга в плен. Внутри что-то дрогнуло, и я сделала первый шаг ему навстречу, всё же опуская взор. Я не произнесла ни слова, поравнявшись с Мораном. Но теневой див и так всё понял.

Я не считала, что он ошибался. Более того, я была с ним полностью согласна.

III

Несущий знамение звездопад

*Мы выжили и окрепли, когда от нас отвернулся
весь мир.*

Союз Аркадиана

Аркадиан

Айвен Ларак

Тёмно-лазуритовое море, простиравшееся до самого горизонта, вызывало потаённое чувство страха, который принимал до самой глубины души. Хищные воды накатывали на каменный берег пристани, неспешно покачивая суда, стоявшие на якоре. Влажный молочного цвета туман, струящийся по улицам, становился всё плотнее. С приходом ночи Аркадиан на мгновение задерживал дыхание, прежде чем ночная жизнь сменяла дневную, и после вновь приходил в движение.

Пристань у острова была широкой и длинной настолько, что даже в солнечный день не разглядеть её края. Помимо неё, в разных уголках острова имелись небольшие прича-

лы. Несколько широких трактов словно прорезали остров, устремляясь к юго-восточному побережью, откуда чаще всего отплывали суда в сторону Сент-Морьена.

Айвен развернулась, крутанувшись на каблуке. Полы её непромокаемого плаща взметнулись вверх и сразу опали. Походка словно выражала недовольство девушки: резкие шаги, сопровождаемые звуком невысоких каблуков, стучали по скользкой от влаги брусчатке.

Город нависал над пристанью, как мрачный страж, во всём своём великолепии. Старинные здания, что издалека удивляли фасадами: высокими колоннами, созданными из цельного камня, узорами на стенах, витиеватыми карнизами, ликами дев, усеивающими фасад, – изнутри поражали своей заброшенностью, стенами, от которых отслаивалась штукатурка, и покрытыми вездесущей плесенью. Влажность была всюду, и даже огонь в каминах не позволял избавиться от неё полностью. Лишь богатые могли спасти себя от вечной сырости. Единицы на острове могли управляться с туманом с помощью магических печатей, и каждый из них ценился на вес золота. Их таланты оплачивались по самым высоким расценкам на улицах Девяти звёзд.

Место, что создавалось как последний безопасный уголок в Дэвлате, за века превратилось в зловонную выгребную яму. Могли ли подумать богачи, купившие землю и когда-то построившие здесь свои помпезные дома с широкими лужайками, садами и фонтанами, что вскоре от их богатства не

останется ничего? Что не только их привлечёт Аркадиан обещаниями спасения?

История тех семей зачастую складывалась плачевно. Большинство выгнали из их домов, но некоторые смогли удержать власть и стать лишь сильнее и могущественнее.

Взгляд дэвы коснулся сложенного из чёрного камня высокого здания, чей острый шпиль виднелся даже в клубах тумана. Оно напоминало часового, никогда не покидающего свой пост. Хотя на стене ратуши и правда имелись старые часы, стрелки которых ходили до сих пор.

За плечами оставался шумный порт, сотрясаемый плеском волн, криками матросов, грузчиков и ещё множества людей, о занятиях которых дэва ничего не знала и не желала знать.

У одного из переулков она едва не столкнулась с клевретами – стражниками с центральных районов города – в плащах из тёмно-фиолетового бархата, который венчала девятиконечная золотая звезда.

Они, не останавливаясь ни на миг, вскоре скрылись в тумане порта.

«И что понадобилось двоим стражам из богатого района? Пришли проверить чей-то груз?» – задумалась дэва, провожая незнакомцев взглядом.

С нападения минул уже целый день, но паники не наблюдалось ни в порту, ни на улицах, где тьме ночи с переменчивым успехом едва рассеивало лёгкое мерцание листьев гли-

мы, высаженной в кадках у фасадов домов. Само растение давало мало света, но сотворить даже одну светящуюся сферу из его сока стоило слишком дорого. И последнее сразу превращало сферу в вещь, которую нельзя было оставить на улице без присмотра. Поэтому и приходилось жителям большей части города довольствоваться таким скудным источником света.

Айвен вновь неспешно зашагала в сторону своей таверны, размышляя о спокойствии на Аркадиане. И вскоре пришла к выводу, что вовсе ему не удивлена, ведь жители города лучше всего понимали: бежать им некуда. Они привыкли защищать свою землю, привыкли быть сами за себя и привыкли выживать.

Прибыв на остров больше десяти лет назад, она в первый же день услышала: «Смерть – великий уравниватель». Прозвучало это из уст местного, подобно молитве. После она десятки раз подмечала, как кто-то вновь повторял её.

В смерти все равны – и негодяй, и благочестивый. И если близится твой час, то ничего не поделаешь. Это столь сильно отличалось от веры людей на материке: грехи губят душу. На Аркадиане считали иначе: за гранью все равны, ведь все они дети Дэвлата.

За годы Айвен даже прониклась обычаями здешних, порой задумываясь о том, как легко меняются представления о мире в зависимости от места, в котором ты живёшь. Любое королевство, город и даже небольшое поселение имеет свои

обычай, которые ты рано или поздно перенимаешь.

Когда она подошла к двери своего заведения, о монстре напоминали лишь щербатая рана на камне соседнего дома да темнеющий кровоподтёк, оставшийся от головы мертвеца, которую пронзил меч Самаэля. Не каждый даэв мог метнуть свой меч с такой силой. И даже если мог, то определённо пожалел бы клинок.

Тело тем же вечером забрали стражники Сателлита – так звалась практически вся остальная часть города за пределами улиц Девяти звёзд. Они даже не стали опрашивать свидетелей, видимо рассудив, что монстр есть монстр. И ничего тут не попишешь.

Поднявшись на крыльцо, отворив со скрипом входную дверь, Айвен вошла во тьму.

Она оглядела просторное помещение: длинные деревянные столы грубой работы, лишённые того изящества и красоты, которые так любили даэвы на материке, стулья, стоявшие где ни попадя, узкие окна, закрытые плотными, но короткими занавесками, и дощатый пол, потемневший от времени, – и неожиданно осознала, как будет скучать по этому значному месту, что звалось её домом в последние годы.

Останется ли оно нетронутым к тому времени, как она вернётся? И вернётся ли она вообще?

Да, она защитит его стены магией, но долго защита не продержится, и рано или поздно колдовство развеется. Бродящий по залу взгляд вдруг остановился на статуэтке Святой

Сары, стоящей на самом краю барной стойки. Казалось, будто её оставили так намеренно, надеясь, что она упадёт.

«Самаэль».

Айвен прекрасно понимала, кто это сотворил. Она приблизилась, убирая фигурку за стойку, в безопасное место. Самаэль любил «ломать», порой девушке казалось, что он сам не замечал за собой этой черты. При нём всё разбивалось, рвалось и падало. И удивительное совпадение: эти вещи всегда были важны. Как, например, старинное зеркало в виде полумесяца – купленное когда-то на аукционе за то, что напоминало ей о прошлом доме, – неожиданно упало со стены, разметаясь в дребезги. И ни в одном из случаев его нельзя обвинить – слишком неочевидными кажутся доказательства. Иной раз он мог вообще уже выйти из комнаты. Поначалу Айвен это озадачило, но после она сделала то, чего не позволила бы себе никогда в прошлой жизни: просто забыла. Дэва предпочитала больше не думать о том, что напрямую её не касалось. И даже если всё это не было совпадением и Самаэль совершал те поступки намеренно, она никогда не получит от него извинений.

Вздыхнув, она обошла стойку и скрылась во внутренней комнате, которую с натяжкой можно было назвать кухней. Пользовалась Айвен ею настолько редко, что обычно на полках, столе и даже плите скапливался толстый слой пыли. С приготовлением пищи дела у Айвен обстояли неважно. Хоть она и улучшила свои навыки за годы самостоятельной жиз-

ни, всё же существенных успехов не добила. И лишь тот факт, что готовка успокаивала мысли, призывал её в это место. А сейчас она как никогда нуждалась в чём-то, что займёт её и погасит нервное возбуждение, раз за разом растекавшееся по телу.

Следующий корабль отплывал к Акраксу лишь к концу недели – вот что она узнала на пристани в первый день. А сегодня ходила туда вновь в надежде, что новость о ревенанте на острове повлияла на расписание судов. С каждым мгновением ей всё больше хотелось скорее пуститься в путь, но приходилось ждать.

Можно много лет провести в спокойствии, а после, будучи окрылённым надеждой, оказаться не способным просидеть на месте и часа. Айвен подошла и открыла деревянный шкафчик, покрытый лаком, который спасал его от сырости, достала плотно закрытый бочонок с мукой. Он был словно уменьшенной копией тех, что стояли в соседней комнате, наполненные вином. Вновь осмотрев стол, вздохнула и отправилась в чулан за тряпкой – перед тем как начать, следовало убрать. Оглядев фронт работы, Айвен поняла: ночь будет долгой.

В самый подходящий момент, когда Айвен стояла над столом, разочарованно глядя на слишком крутое тесто (гипотетически им можно было даже кого-то ранить, ведь, задумавшись, дэва не заметила, когда стала прикладывать к сво-

ему занятию нечеловеческую силу), заявился Самаэль. Вошёл, как и прежде, не стучась, будто к себе домой.

Однажды, когда Айвен возмутилась тем, что див пожаловал без приглашения, он удивлённо ответил ей:

– Как же? Я сам себя пригласил.

Ларак показалось, что он шутит. И пока она в ступоре размышляла об этом, Самаэль уже умудрился расколотить стакан. Возможно, случайно, но дэва не сильно в это верила. Див небрежно относился к вещам, по крайней мере к тем, которые ему не принадлежали.

– Договорилась об отплытии? Когда корабль?

Самаэль бесследно пропал на целые сутки и вот заявился вновь, успев привести себя в порядок и переодеться. В новые чёрные сапоги из мягкой кожи, обшитые по кромке золотыми нитями, были заправлены штаны такого же цвета, и на том же необычно высоком уровне начиналась мантия без привычных рукавов-крыльев – они лишь немного расширялись к запястьям. На поясе привлекал внимание меч, эфес которого был неизменно обвязан плотной тканью, а на плече висела сумка. По всем признакам казалось, что див уже собрался и готов к путешествию.

– Через неделю, – отозвалась Айвен, ткнув тесто пальцем. А после горестно вздохнула: ей с трудом удалось лишь немного его промять.

– Подожди-подожди... Что ты сказала? Я не услышался?

– Через неделю, – повторила она, вновь подняв взгляд к

нему. – Что?! Кораблей нет! Последний отплыл вчера за полчаса до моего прихода.

Самаэль сощурился, один краешек его губ поднялся, демонстрируя кривую улыбку, после которой неоднократно кто-то страдал. Дэва никогда не говорила об этом вслух, но див был ещё тем задирой. Порой ей казалось, что ему нравилось спорить и ввязываться в драки. Может, отчасти именно поэтому её таверна нередко стояла пустой?

– Кораблей действительно нет? Или тебе так сказали? – вкрадчиво спросил Самаэль.

На фоне тёмных стен его волосы просто сверкали багровым. Айвен не видела столь необычного цвета ни у одного даэва. Она уже привыкла к рубиновому оттенку, но скорое возвращение на континент заставило её вновь задуматься об этом. А ещё – над смыслом слов дива. Она почувствовала в них подвох.

– Что ты хочешь сказать?

– Ты поняла, что я хочу сказать, – серьёзно ответил Самаэль и добавил: – Куда именно мы отправимся, когда прибудем на материк?

– В Северный орден.

– Хм. Наконец-то встретимся с их прославленным главой.

У Айвен закралось мрачное предчувствие, что встреча выйдет весьма запоминающейся. Чем-то Самаэль с Люцием казались неуловимо похожими. В годы юности она по доброй воле ни с кем из них и словом бы не обмолвилась. В обо-

их дивах чувствовалась властность. Вот только в Моране всё равно угадывались те нотки сострадания и веры в лучшее, которые всегда отличали его от многих. Люция она уважала. Самаэля тоже, но иначе. Без того благоговения, которое вызывал глава Северного ордена. У её почтения к Морану были вполне разумные доводы – она воочию стала свидетелем трагедии его юности. А с Самаэлем это чувство рождали лишь инстинкты.

Когда сталкиваются две непростые, похожие друг на друга личности, зачастую ничем хорошим это не заканчивается. Но возможно, Айвен лишь всё себе придумала.

– Главное, чтобы Сара с Люцием успели вернуться с южных земель, – добавила она рассеянно, размышляя: а имела ли она право говорить об этом Самаэлю? Но, с другой стороны, она знала его уже больше десяти лет. Да и что может сделать один-единственный див?

А потом, хорошенько подумав, добавила про себя: «Многое. Вот только это не та информация, которая может принести вред. Я и сама знаю слишком мало».

– Почему с южных? Как давно твоя подруга открыла глаза, раз они успели отправиться в путешествие?

– Недавно.

– Что тогда? – Самаэль безошибочно чувствовал то самое «но», скрытое во фразах, после которого следует всё самое интересное.

– Сара сбежала из крепости Северного ордена, – с неохотой

той рассказала Айвен, а после вновь устало посмотрела на кусок теста. И прежде чем из уст Самаэля прозвучал какой-нибудь колкий вопрос, продолжила: – Она не помнила прошлого. Не помнила того, что случилось на самом деле. Лишь обрывки, – продолжала Айвен, пока создавала огненную печать на печи, малодушно решив поставить хлеб печься, а после посмотреть, что выйдет. – Удивителен уже тот факт, что воспоминания вовсе не исчезли после того, что сотворила моя мать. Она была так искусна в своём таланте, что без вмешательства воспоминания никогда не возвращались. Видимо, даже Изабель оказалась не столь всемогуща, чтобы противостоять силе владелицы кристалла.

– И что же теперь? – вопреки её ожиданиям, предельно серьёзным тоном спросил Самаэль. Он облокотился на край стола, глядя не на собеседницу, а на выложенный неровной плиткой пол под своими ногами.

– Ну, она вспомнила достаточно, чтобы понять: орден Сорель давно опорочил себя. Как встретимся, я постараюсь избавиться от других тёмных пятен в её воспоминаниях. Если, конечно, Сара позволит... – При упоминании светлых дэве показалось, что Самаэль фыркнул.

Айвен выводила печать на камне, используя для этого дорогой свекольный порошок, предварительно смешав его с водой, вместо того чтобы сходить наверх за чернилами.

– И видимо, они вернули светлый кристалл...

– Что? С чего ты взял? – вскинула она голову одновре-

менно с тем, как благодаря вспыхнувшей печати камень печи стал быстро нагреваться.

Самаэль бросил на неё мимолётный взгляд, прежде чем ответить:

– Разве не ты сама говорила, что он, скорее всего, спрятан в вашей светлой обители?

– Говорила. Но это не значит, что они его нашли, – возразила Айвен, перекладывая тесто в форму и убирая его в печь.

– Ну посмотрим. Что-то подсказывает мне, что твои друзья не возвращались бы обратно на север с пустыми руками. – Следующие слова Самаэля заставили Айвен ещё больше нахмуриться: – Главное, чтобы их не убили в пути.

– Зачем ты такое говоришь?

– Если ревенанты появились на Аркадиане, то на континенте энергии Серого мира много как никогда. А что происходит, когда в монстре больше теневой силы?

– Он становится сильнее? – с несвойственной ей невинностью в голосе сказала дэва.

Самаэль свёл брови, глянул так, будто увидел что-то невообразимое и в то же время глупое.

– Нет, дурында. – Он оттолкнулся от стола. – У порождений тьмы появляются зачатки разума. Это уже не просто безмозглые монстры, которыми руководит инстинкт. Они могут прятаться и убегать, если чувствуют кого-то сильнее себя.

Дэва и вправду почувствовала себя той, кем её назвал Самаэль. Ведь прозвучавший ответ в самом деле был слишком

очевидным.

– И что? Что это меняет?

После её вопроса взор дива стал ещё уничижительнее. Самаэль со вздохом обогнул стол, подошёл к шкафу в самом углу, куда она недавно переложила бутылки пятилетнего вина. Она спрятала его для коллекции. Див так беспощадно уничтожал весь её товар, что из старых урожаев почти ничего не осталось.

– Подумай хорошенько, *дорогая*. – Последнее слово он произнёс обманчиво мягко, после шумно втянул носом воздух и наклонился. Прежде чем рубиновые, с лёгкой волной, волосы свесились вниз, накрыв его лицо, Айвен разглядела торжествующую и немного плотоядную улыбку. – Если от излишка тьмы у монстров появляются зачатки разума, разве не логично, что, когда энергии Серого мира станет ещё больше, они и вовсе перестанут быть безмозглыми тварями?

Дэва сглотнула. Она никогда не размышляла об этом с подобной точки зрения. Точнее, раньше не было причин думать об этом.

– Разум – это не то, что можно обрести по щелчку пальцев, – всё же возразила она, воспроизводя упомянутый жест, а после невольно потерла рукой плечо противоположной руки, которое нагрелось от жара печи.

– Нельзя обрести опыт, а вот разум вполне можно, – не согласился с ней Самаэль, открыв дверцы, а после с ожиданием оглянувшись на неё. Вздохнув, Айвен кивнула, и тот

стал складывать себе в сумку спрятанные бутылки с вином. – И если вновь подумать, то возникает предположение... Раз тeneвая сила копится в человеческих телах, а ревенантами становятся люди, то у них уже имеется накопленный годами опыт.

– Слишком много ты предполагаешь, – резко ответила Айвен, складывая руки на груди. Её уже стали злить эти разговоры. Слова дива были лишь догадками. Но и они вносили сумятицу в и без того беспокойные мысли.

– Лучше не станет от того, что ты закроешь глаза. Можешь попробовать заткнуть уши или вовсе никуда не плыть, – цинично сказал он, закрывая дверцу шкафа и распрямляясь. Даже на вид его сумка изрядно потяжелела. Кажется, див что-то выложил, чтобы поместилась лишняя бутылка с напитком.

– Я лишь говорю о том, что не надо беспокоить меня страшилками, которые наверняка никогда не случатся, – упрямо отозвалась Айвен, всё равно задумавшись, где лежат её кинжалы и необходимо ли их все взять с собой в дорогу. За прошедшие годы у неё их скопилось много, и почти все были выполнены из магического металла.

Самаэль оскалился, его глаза блеснули алым.

– Не важно, что я говорю. Но главное, чтобы твоя подруга не попала в ловушку и добралась в целостности и сохранности. В нынешние беспокойные времена может произойти что угодно. Уж поверь мне.

– Об этом я не волнуюсь, – небрежно отмахнулась Айвен. – Люций Моран скорее сам погибнет, чем позволит ей умереть.

– Самопожертвование во благо мира? – с нескрываемым скептицизмом спросил Самаэль.

– Нет. Точно не оно, – твёрдо качнула головой дэва. Если бы кто-то постарался убедить её в том, что действиями Люция руководило волнение о благополучии Дэвлата, она бы не поверила ни на йоту. Нет, он наверняка желал закрыть портал. Но как бы странно и эгоистично это ни звучало, был в его жизни кто-то, кем он дорожил больше всего остального мира.

– И что же тогда? Ведь все мы думаем лишь о себе. Когда есть разум, появляется желание жить. Даже если не хочется, инстинкты самосохранения и страх всё равно берут верх. Мы так безумно боимся стать ничем. Что может заставить кого-то добровольно пойти на этот шаг?

«Ему было бы полезно познакомиться с Сарой...» – пронеслась мимолетная мысль в голове Ларак.

– Ты ведь знаешь, что говорят светлые даэвы о тeneвых? – вымолвила она, невидящим взором глядя перед собой, и сразу же сама ответила на свой вопрос: – Душа и тело тeneвых изначально отравлены тьмой. Они порочны. Они ближе к монстрам, чем кто-либо. Даже их способности... Мортемы воплощают тела существ, мёртвую плоть которых когда-то наполнила их сила. Скарды способны практически видеть

смерть глазами нечисти и проживают чужую гибель раз за разом. Но, как ни посмотри, они всё же остаются даэвами. Магии внутри них не хватает, чтобы повлиять на их решения. Поэтому все светлые, которые их в чём-то обвиняют, лишь пытаются очернить остальных и превознести себя.

Когда Айвен вновь перевела взгляд на Самаэля, он скрёб носком ботинка пол, оттирая пятно на плитке.

– Ты слушаешь?

– М-м-м, да. Конечно. – Оба его уголка губ были приподняты. – Ты говоришь, в теневых так мало силы тьмы, что на их характер она не влияет, – небрежно бросил он. – К сожалению, поэтому и их дар ужасно слабый.

Айвен рассеянно кивнула, слишком задумавшись о том, что собиралась сказать. Ей хотелось верить, что она ошибалась. Но только она так или иначе больше двадцати семи лет наблюдала за Люцием Мораном, чтобы примерно понимать, о чём говорит. Если Сара Сорель проснулась, то всё началось заново. Потребовались десятилетия, чтобы надежда стала угасать. Глава Северного ордена может выглядеть спокойным и терпеливым, но внутри у него горит такое пламя, которое не потушат и воды всех морей. Это было одновременно и прекрасно, и зловеще.

– Дело в том, что в Люции Моране много тени, и он столько раз пересекал грань... что лишь благодаря Саре в нём осталось что-то светлое. И вообще есть чувства.

– Зависимость? – предположил Самаэль – похоже, его за-

интересовала новая деталь истории.

– В какой-то степени, но не совсем. Так или иначе, она у них обоюдная, – стала рассуждать дэва. – Раньше они дополняли друг друга, то, чего не хватало одному, компенсировалось другим. Между ними столько всего... Сколько я живу, а никогда больше не встречала подобного. Может, если бы судьба сложилась иначе, если бы сражение не было нашей сутью, а жизни не висели бы на волосок от смерти столько раз, то и не было бы той привязанности. Ведь наши чувства без испытаний слабнут и угасают. Не только воин закаляется в бою...

– У тебя хлеб подгорает, – бесцеремонно прервал её Самаэль. И она вздрогнула, а мысли, унёсшиеся куда-то в философские дали, вновь вернулись на привычное место. От печи, успевшей нагреть всю комнату, и правда шёл запах гари. Она кинулась к камню, взяв широкую лопатку, и поспешила вытащить форму с хлебом, верх которого знатно подзолотился.

– Готов? – спросил див, заглядывая ей через плечо.

– Да. Насколько это возможно.

– Тогда мы можем идти.

– Куда? – удивлённо оглянулась на него Айвен, с подозрением прищурившись.

– На корабль. Он скоро отплывает.

– Откуда?.. – ошарашенно начала она.

– Ну, в отличие от некоторых, когда спрашиваю я, мне

рассказывают о всех судах, а не только о тех, которые платят налоги в казну.

– Почему ты молчал всё это время?! – воскликнула она и зашипела, нечаянно обжѣгшись о форму, в которой стоял свежеиспечѣнный хлеб. И после начала спешно отряхивать руки, даже не предполагая, сколько времени у неё ещё осталось, чтобы собрать самое необходимое, не говоря уже о защите, которой необходимо было окружить жилую часть дома и таверну.

Но Самаэль ничего не ответил. Лишь невозмутимо бросил, что у них есть полчаса на сборы и ещё столько же, чтобы добраться до судна. Пока он уходил, решив подождать на свежем воздухе, Айвен смотрела ему в спину, мимолетно подметив, что страж ни капли не согнулся под весом сумки, скрывающей в себе не менее десяти бутылок вина. Для неё оставалось загадкой то, как он собирался довести их до континента. Когда-то див обмолвился, что старается не пить в плавании, и на её вопрос почему так ничего и не ответил. Айвен же разлила напиток в стекло, совсем не предполагая, что вину предстоит проделать столь длинный путь.

Спустя оговорѣнное время Айвен выскочила на улицу, мучительно перебирая в голове всё то, что должна была сделать перед уходом, и гадая, будет ли достаточно тех защитных печатей, что дэва оставила внутри дома. Она безмерно злилась, лихорадочно ища Самаэля взглядом. И озадаченно застыла, увидев, как тот сидит на корточках в переулке меж-

ду двух домов, у кучи мусора.

Уже подойдя ближе, Айвен осознала, что куча мусора – это человек, закутанный в тряпье, словно в одеяло. А сразу после она ощутила характерный запах, который всегда исходит от тех, кто не имеет собственного дома и лишен возможности вовремя помыться.

Обычно остальные обходили таких людей стороной, но Самаэль сидел рядом, и, кажется... они о чём-то беседовали.

Будто почувствовав на себе её взгляд, див обернулся. А после, попрощавшись с недавним собеседником, который тут же вновь зарылся с головой в своё «убежище», поднявшись, направился к дэве.

– Кто это? – Вопрос вылетел из её рта, не скрыв недавней злости и досады.

– Знакомый. Сталкивались когда-то давно, – небрежно отозвался Самаэль. Айвен снова глянула на кучу тряпья. Она была настолько мала, что тот, кто находился внутри, либо был очень худым и тонкокостным, либо вовсе являлся ребёнком. Но, учитывая слова Самаэля, последнее невозможно.

Она хотела было спросить ещё, но лишь закатила глаза. У Самаэля и до этого встречались необычные знакомые. Хотя некоторые странности и вовсе граничили с потерей рассудка. Как тот раз, когда он спорил с птицей. Белая трясогузка, прилетевшая из глубины острова, залетела в окно и прыгала по столу, время от времени склёвывая крошки. А див спорил

с ней, негромко что-то шипя. Стоя у бара, Айвен расслышала лишь обрывок фразы. Слова были столь нелицеприятные, отправляющие в путешествие в поистине неожиданное и тёмное место, что дэва никогда бы не стала повторять это вслух. Даже в мыслях.

Вспомнив тот случай, она прищыкнула и направилась вниз по улице, которая спускалась в сторону порта. Туман, как обычно, был настолько густым, что скрывал за собой всё на расстоянии нескольких метров. Поэтому, сделав пару шагов, Айвен оглянулась, проверяя, идёт ли за ней див.

Заметив это, Самаэль криво улыбнулся. Хотя это была скорее не улыбка, а оскал. Её взгляд коснулся мужских пальцев, что крепко сжимали ремешок походной сумки.

Вот что было для него настоящим сокровищем. Вздохнув, она отвернулась, принимая тот факт, что на данный момент очень сильно зависела от дива. Он был опытным воином, многое знал и, что неотступно следует за последним, многое скрывал. Айвен подозревала, что его предки когда-то покинули свой орден и, в отличие от остальных, смогли сохранить знания и передать их потомкам. Такое случалось, но редко. В своё время Ларак часто гадала, к какому теневому ордену они могли принадлежать. Она бы предположила, что к Ликорису. Но глупо было определять принадлежность по цвету волос.

Дэва всё чаще думала о том, как ей повезло, что она отправилась в путешествие не одна.

«Он отыскал корабль. Это уже доказывает его полезность», – к такому выводу пришла Айвен, пока снова шагала по маршруту, которым следовала несколько часов назад. На мгновение она остановилась, мучаемая смутным предчувствием беды, а после вновь двинулась в путь, надеясь, что не пожалеет о своих мыслях.

Когда они спустились к берегу, город утопал в тумане, так что суда, стоявшие в порту, выглядели призраками на воде. Причал изгибался дугой, которая упиралась в вырастающие над морем скалы. Именно к ним они и направились – оказалось, что камень скрывал за собой тайный проход, который маскировался иллюзией, сотворённой благодаря магической печати. Очевидно, у тех, кто вёл свои дела скрытно, хватало монет, чтобы заплатить за колдовство даэву.

«Или им помогли её создать за ответные услуги...» – мимолетно подумала девушка, скосив взгляд на Самаэля, который, к её удивлению, до сих пор не прикоснулся к вину и выглядел крайне сосредоточенно и напряжённо. А ещё он злился. И чем ближе они становились к тому, чтобы сесть на корабль, тем всё более зловещие и недовольные черты приобретало его лицо.

Вообще, когда дело касалось эмоций, Самаэль был как открытая книга. Любое его состояние можно было вычислить без усилий. Точнее, стоило постараться, чтобы не заметить, в каком настроении пребывал див. Недовольство, задумчивость, раздражение, радость – всё это он открыто выражал.

Хотя редко что-то делало стража счастливым. Если же нечто его развеселило, он смеялся так заразительно и с упоением, что это вызывало ответную улыбку и у остальных, вот только... Див имел весьма специфическое чувство юмора. Айвен до сих пор не понимала, что творилось у него в голове. Как тогда, когда упало со стены то старинное зеркало-полумесяц.

Зеркало разбилось на второй день, когда Самаэль случайно задел его рукой. Осколки разметались по всему полу. Айвен кинулась их собирать, когда услышала смех над своей головой:

– Забавно, ты столько денег на него потратила. Но сама судьба избавила тебя от этой вещи. Грусть по былому – всё равно что удавка. Только она не лишает дыхания, а делает тебя унылой вонючей кучей... – Он замолчал, тише добавив: – Ты сама понимаешь чего.

Воспоминание отчего-то вспыхнуло в её голове, когда они прошли через иллюзию. И не хотело покидать Айвен, пока она следовала за дивом по хитросплетениям коридоров, которые в итоге привели в грот. Он оказался настолько большим, что внутри мог поместиться целый корабль. У подножия каменного уступа у выстроенных из дерева скромных дорожках-причалах сутились люди. На воде мерно покачивались пять шлюпок. Остальные, видимо, прятались где-то в глубине пещеры. Вниз вела каменная лестница на противоположной стороне, прорубленная прямо в скале. Она сначала уходила вправо, отдаляясь от берега, а после резко пово-

рачивала и возвращалась.

Айвен была удивлена, что столь чудное место скрывалось у всех под носом.

Судя по крикам людей, товар уже давно был на корабле – судно вот-вот готово было отправиться в путь.

– Вы почти опоздали, – появился перед Самаэлем человек среднего роста с раздавшимся животом, деловито державший в ладони свиток, перевязанный бечёвкой. Рядом с Самаэлем, который даже по меркам даэвов обладал внушительным ростом, незнакомец выглядел совсем коротышкой.

– Вы бы нас ждали. Поэтому мы совсем не опоздали. – Див выудил из-за пазухи мешочек с деньгами, мимолетно вздохнул, будто не желая с ним прощаться, а после без тени сомнений небрежно перекинул его мужчине. Раздался звон монет.

– Сколько ты за нас заплатил? – поинтересовалась Айвен, наблюдая, как незнакомец, отвернувшись и отойдя от них на несколько шагов, пересчитывает монеты.

– Немало, – неохотно ответил ей Самаэль, досадливо поморщившись, и прикрыл веки, сложив на груди руки. – Но это было последнее. Надеюсь, ты взяла достаточно монет...

Айвен сглотнула и нахмурилась.

– Что? – Самаэль глянул на неё с подозрением, приоткрыв один глаз. – Ты не взяла деньги? Серьёзно? – Повернулся к ней, поднимая брови и не скрывая скептического взгляда.

– Ты дал мне на сборы полчаса. Полчаса, Самаэль! – то ли оправдывалась, то ли возмущалась Айвен, всплеснув ру-

ками.

– Деньги, – тихо молвил он. – Не существует на свете силы, что открывает больше дверей. Не считая самой силы. Но всех убивать ведь не станешь. Иначе вовсе ничего не получишь! И теперь, по твоей воле, мы бедны. – Див сощурился, потом задумчиво хмыкнул, медленно повернувшись к человеку, что заканчивал пересчитывать последние монеты. – Хотя иногда можно и...

– Не смей, – выпалила Айвен, хватая его за запястье, – мужская рука оказалась в подозрительной близости от меча.

Самаэль оглянулся, посмотрев на неё, как на досаждающее насекомое, к которому всё же приходится прислушиваться. А спустя несколько секунд, которые дэва, как поняла позже, вовсе не дышала, див, широко улыбнувшись, проговорил:

– Я же пошутил. Неужели ты могла подумать, что я убью того, кто помогает нам выбраться с острова за разумную плату? Я ведь сам отдал ему монеты.

Айвен смотрела на него, и ей вновь почудились красные искры в глазах дива.

Прежде чем она успела что-то ответить, в гроте поднялся шум.

Люди забегали, суматошно завершая приготовления. Понимались крики.

– Что происходит? – спросил Самаэль, поймав мимо пробегающего паренька за шиворот.

– Клевреты... Они вычислили корабль, – залепетал он испуганно.

– Нечисть! Поубивать бы их всех к праотцам, – раздражённо выругался див, отпуская своего мимолётного пленника. – Мы расплатились. Где наша шляпка? – стремительно приблизившись к мужчине с монетами и крепко вцепившись в его плечи, спросил Самаэль.

– Вон... Вон та шляпка, – дрожащим голосом пролепетал человек, показывая куда-то вниз. Так что тяжело было разобрать, о какой именно он говорил, но не это стало главной проблемой – все пять посудин готовились вот-вот отплыть. Взгляд дэвы метнулся к лестнице, которая находилась на другой стороне грота, слишком далеко от них.

– Нечисть! – вновь выругался Самаэль, подходя вплотную к обрыву.

– Подожди... Сейчас я, – оказавшись рядом, выпалила Айвен, собираясь создать печать левитации, которая замедлила бы их падение и позволила бы благополучно спуститься к берегу. Девушка повернулась, торопливо вытаскивая из сумки лист.

Когда вдруг осознала, что нечто подняло её в воздух.

– Времени нет!

Следующие несколько секунд превратились в круговорот смазанных красок, надрывного скрежета камня и её, запоздало понявшей происходящее, крика.

Самаэль, схватив девушку за руку так крепко, что у неё

заболели пальцы, просто скинул её с обрыва и следом упал сам, вонзив один из припрятанных в одежде кинжалов в скалу у самой земли. Их тряхнуло так, что внутренности Айвен, показалось, лишь чудом остались внутри тела.

– Было бы с чего орать. Идём, – отряхнувшись и крепко прижав к груди свою сумку, бросил див, когда они стояли на земле, – он обращался с вином гораздо бережней, чем с ней самой.

Айвен шатало. Она сдавленно дышала, стук сердца отдавался в её ушах.

Широким шагом Самаэль направился к шлюпке, где опешившие люди взирали на него с нескрываемым страхом. Помедлив и скривившись, словно съел гнилой фрукт, див всё же забрался в посудину. Айвен, пошатываясь, едва успела за ним как раз в тот момент, когда снаружи, сотрясая своды грота, прогремели пушечные залпы.

Лодка закачалась на волнах, отойдя от берега. Двое работников во всю свою силу двигали веслами.

– Я тебя убью, – пообещала Айвен, пытаясь отдышаться. Похоже, она переняла привычку Самаэля угрожать всем смертью. Ей казалось, что волосы на её голове до сих пор стояли дыбом. Колени тряслись, она сидела на дне посудины, накрыв своё лицо ладонями.

Свод пещеры сотрясался от звуков пальбы, двое моряков, натужно дыша, налегали на весла, а в воздухе витал солёный запах моря и водорослей, росших на дне пещеры. Спустя по-

что минуто, так и не расслышав ответа, она открыла глаза.

Как раз в этот момент лодка выплыла из грота, и у Айвен перехватило дыхание, когда она поняла: туман над водой рассеялся. Это случилось столь редко... Но произошло именно в эту ночь. Звёздное небо отражалось в водной глади тысячами огней, которые вели к кораблю с поднятыми флагами, стоящему на горизонте. Простор моря поражал. Показалось, что даже время замедлилось, желая запечатлеть этот момент и случившееся после: то, как неподалёку один из снарядов с оглушающим взрывом врезался в морскую поверхность, а подымающаяся волна накрыла шлюпку, чудом не перевернув её; выпавшего за борт человека, которого Айвен не смогла вытащить из воды – лодку отшвырнуло, поэтому девушке осталось понадеяться, что он сможет сам доплыть до берега; то, как она едва успела удержать Самаэля, которого внезапно одолела морская болезнь – див побледнел, развалившись на лавке, вцепившись в лямку своей сумки и высунув голову за борт.

Мир словно раскололся и собрался по кривым осколкам вновь, когда её спутник на мгновение пришёл в себя, подняв голову. Словно по велению богов, звёзды стали падать с небес, и он возвёл к ним взор, отчего алые волосы, блестящие от солёной влаги, прилипли к его шее, лишь подчеркнув белизну кожи.

– Звёзды падают... Это знамение. Грядут тёмные времена, – прошептал он, замороженно глядя на падающие огни.

Прежде чем вновь забыться в своей болезни.

А Айвен всё так же держала его за ворот мантии, не позволяя упасть, и всё так же шлюпку метало по волнам под оглушающий грохот пушек, пока брошенные Самаэлем тревожные слова эхом повторялись в голове дэвы. Словно не просто пророча тёмное будущее, а обещая его. Див же прижимал к себе сумку с вином. И даже если бы Самаэля всё же выкинуло за борт, Айвен была уверена, он не расстался бы со своей поклажей, выбрав участь пойти вместе с ней на самое дно.

IV

Ещё больше крови для Святой...

В древние времена споры решались просто: даэвы проводили поединок «Правосудие Фародея». Кто победил, тот и прав.

Ныне этот обычай дошёл до нас в виде сражения «Правосудие Богов». Но теперь это скорее игра для молодых даэвов, правила которой менее жестоки и не требуют схватки насмерть.

«О землях Дэвлата»

Библиотека Академии Снов

Сара Сорель

Когда я пошла за Люцием к храму с плотно затворёнными дверьми, небо рассёк сноп фиолетовых искр, рассыпавшийся на фоне звёзд, – облака уже почти рассеялись, обнажив небесную твердь.

Печать тревоги ещё несколько раз вспыхнула в воздухе, неся весть о грозящей опасности.

Я сжала рукоять Туманного. Сила меча поприветствовала меня сначала холодом, а после теплом.

– Это светлые, – прошептала я, вдруг ясно ощутив их силу. Слишком много могущественных воинов в одном месте,

чтобы это не коснулось моего дара.

– Как всегда... – сказал Люций.

Бросив тяжёлый взор на двери храма, я вздохнула: пока они нам недостижимы.

Меч отозвался на мои чувства. Вновь вторил силой, которая, казалось, гудела на кончиках пальцев.

– Что как всегда? – спросила, нахмурившись и глянув на Морана.

– Как всегда невовремя, – склонил он голову, его губы растянулись в полуулыбке.

Я фыркнула. В отличие от Люция улыбаться мне совершенно не хотелось.

В повисшей тишине слышалось, как с шорохом в ночи к нам приближались даэвы. Я сосчитала фигуры вдалеке. Целая дюжина – слишком много для обычного отряда, но мало для того, чтобы победить Проклятого Чёрного Змея. В отблеске горящих костров сверкнули золотые маски – элитные воины, служащие самому главе ордена Сорель.

– Поздравляю, по нашу душу пришли Золотые маски, – продолжил Люций.

– Тебе не привыкать. Но для меня происходящее в новинку, – отозвалась, понимая, что нервничаю. И эти эмоции до сих были непривычны – обычно я не переживаю так сильно. *Раньше* не переживала.

– Привыкнешь, *Сара*.

Я бросила на него косой взгляд. Моё имя, звучащее из

его нахальных уст, вызывало у меня слишком много чувств. Прямо как в старые времена, когда наша дружба должна была оставаться в тайне.

– Как они прошли мимо Сильфы? – прошептала я, поворачиваясь к Люцию.

– Я попросил пропустить гостей, если их ряды будут малочисленны.

– Почему? – Я нахмурилась.

– Если их мало, значит, они преследуют ту же цель, что и король Исонии... – Теневой див шагнул ближе ко мне. Отсветы факелов храма плясали на его лице. – Они желают поговорить.

Узнав ответ, я кивнула, устремив свой взгляд в конец улицы: вдалеке уже виднелись силуэты светлых одежд. Предположение Морана звучало логично. В действиях светлых был смысл.

Я обнажила Туманный. Серая сталь сверкнула, будто приветствуя, и вновь утратила яркость, присущую светлым клинкам.

Бледные пальцы вдруг коснулись моего предплечья, скользя от локтя к запястью руки, сжимающей меч. Я затаила дыхание, следя за движением, – Моран стоял прямо за моей спиной.

Его изящные руки контрастировали с чёрной тканью рукавов.

– Ныне в твоём мече заключена великая сила. – Голос Лю-

ция звучал глубоко, а его ладонь легла поверх моих пальцев, мягко надавливая и сжимая. Я ощущала каждую клеточку своей руки и так же остро чувствовала спиной его грудь.

Будь на месте Люция любой другой – даже без обмена телами я бы узнала его мысли и цели, что им движут. С Мораном могла только догадываться. Но это было благом. Я бы не создавала в прошлом ограничитель, если бы желала знать всё, что творилось в его тёмном непредсказуемом сознании.

– Ты правда сейчас захотел поговорить о Туманном?

Люций хрипло рассмеялся.

– Нет, – хватило ему совести признаться. – Ты же видишь их?

Моран говорил о светлых, которые вот-вот и ступят на площадь.

– Они привыкли к правилам, научились носить не только те маски, которые у них на лицах, но и скрывать самих себя. Служба ордену для них выше иных ценностей. И их действиями правят условности. Лучший способ понять больше, чем надо, показать им то, что выходит за рамки их правил – выходит за рамки их понимания.

Я догадывалась, что имеет в виду Люций. Он ведь и со мной так поступал. Я уже видела этот приём десятки раз. Вот только...

– Если бы ты сейчас отправился обниматься с деревом, думаю, это бы тоже вышло за рамки их понимания.

– Здесь нет деревьев, – заметил он. – И возможно, я соврал

и вывести их из себя – не единственная цель.

– А какая есть ещё?

Свободная рука Люция вдруг легла на талию, а после на мгновение крепко сжала. Это уже даже не было похоже на объятия – это было куда интимнее.

– Они передадут своему главе *всё*, что увидят. Я хочу, чтобы он наконец-то понял: что бы он ни сделал и ни придумал, ничего не изменится. Ничего. – Голос Люция был низким и грудным. – Бессилие будет его наказанием.

Я сглотнула. В его словах звучали гнев и ненависть, а в руках, что касались меня, – вырвавшаяся на поверхность болезненная привязанность. Эта потребность находиться рядом была мучительной не оттого, что чувства оказались отравой, а потому, что спровоцирована долгой разлукой. Как утопающий, который, уже находясь на грани, вдруг получил возможность свободно дышать. Вынырнув на поверхность, он ещё долгое время продолжит жадно хватать ртом воздух.

Глянув на чужую руку на своей талии, я не стала ничего делать, лишь смирилась с собственным сердцем, что билось, как птица в клетке, и сосредоточилась на воинах, прибывших из обители.

Пока мы разговаривали, весь отряд успел приблизиться на расстояние нескольких метров – все в светлых мантиях, расшитых золотыми нитями под цвет масок. Никто из них не торопился обнажить меч. Значит, Люций оказался прав: они явились для переговоров.

Один из даэвов шагнул к нам. Его маска отличалась от тех, что носили остальные. Она открывала край лица, словно отколотый кусочек чашки. Золото приоткрывало часть лба и правую щеку. Воин был главным среди пришедших. Возможно, именно о нём недавно упоминала Флёр. Бывшая советница считала, что его стоит опасаться, а это многое значило.

Даэвов в золотых масках не зря пугали. В этот элитный отряд принимали лишь лучших, и личности стражей всегда хранились в тайне. Особенно имена.

Но последнее заключение оказалось мгновенно опровергнуто.

– Град... как поживаешь? – бесцеремонно сказал Люций. Светлый див едва заметно вздрогнул.

– Не обращай ко мне, Проклятый. Я явился не к тебе, – холодно ответил воин. Его низкий голос, слегка приглушённый маской, громко разнёсся по улице.

– Давненько градом поля не било... – протянул Люций, игнорируя слова светлого дива. – Сара, как ты думаешь, зачем к нам явился Град? Может, он хочет обрушить на нас град мечей? Или град пустых слов вашего главы?

Я поджала губы и прикрыла на мгновение глаза. Если бы можно было притвориться, что я ничего не слышала, то с радостью бы это сделала.

– Твой язык как всегда ядовит, Змей. Но похоже, за много лет твоё остроумие стало сходить на нет, – отозвался светлый

воин.

А Люций расхохотался. Его смех словно прошёл сквозь меня – я явственно спиной чувствовала вибрации в его груди.

– Ничего себе. Достойный ответ, надо же. – Если бы у Морана были свободны руки, он бы заплодировал. – Могу лишь похвалить. Больше ты не хватаешься сразу за меч. А ведь я всегда говорил: зачем ссориться, если можно быть друзьями?

На последнем слове главу Золотых масок передёрнуло.

– Тёмные твари – твои друзья, – выплюнул Град.

– А это было грубо... – заметил Моран без намёка на смех и веселье.

Град кашлянул, слегка повернув голову к своим подчинённым.

– У меня письмо для сестры главы, – сообщил он.

– Видишь, всё же они явились не сражаться... – чуть тише, обращаясь лишь ко мне, сказал Люций и сразу продолжил: – Сестры? Пшеница вспоминает об этом всегда крайне вовремя.

– Побольше уважения, теневой, – угрожающе процедил даэв, прекрасно расслышав слова. – Ты говоришь о главе ордена Сорель.

– Я прекрасно знаю, о ком я говорю.

– Где письмо? – заговорила я. От долгого молчания голос оказался огрубевшим и сухим.

– Святая Сара... – начал воин, кажется, его взгляд коснулся руки Люция. Через прорези в маске было сложно сказать наверняка. – Ваша поддержка Проклятого – гре...

– Где письмо? – тяжело повторила свой вопрос. Не им решать, что грех, а что благо. Больше объяснять эту простую истину я не собиралась.

Раздался шорох ткани. Глава Золотых масок молча вытащил конверт из складок мантии.

– Положите на землю и... отойдите.

Я видела, как с медлительной грацией воин подчинился. Посмотрела на конверт, оставшийся на земле. Светлый кусочек бумаги выделялся на камне под ногами, словно островок снега на влажной земле. Я подняла руку, касаясь ладони Люция на своей талии. Требовательно постучала пальцем по его. Руки Люция разомкнулись, а он сделал шаг назад, отчего по моей коже прошёл озноб.

Хмурясь, я направилась было к лежащему на земле письму. Но раздавшееся внезапно громкое ржание лошади заставило меня остановиться – к нам приближался всадник. Точнее, их было двое. Просто я не сразу увидела вторую лошадь, которой управлял Сезар.

Кьярин же скакал впереди, видимо первым вскочив на лошадь. Даэв так разогнал животное, что, когда он дёрнул поводья, останавливая её, лошадь встала на дыбы, вновь громко заржав.

Див спрыгнул, умудрившись избежать удара копыт. Млад-

ший Рок сразу обнажил клинок, приближаясь к нам. При этом на его лице было написано отвращение, и он почти не дышал, сжав губы в тонкую линию.

– Вонь усилилась, – выплюнул он, окидывая взглядом всю площадь.

Меж бровей Люция пролегла линия.

Сезар спешил. Светлые смотрели на него как на предателя. Но, несмотря на это, в лице див ничуть не изменился.

– Как дела? – тем временем спросил у меня Сезар. – Не нашли источник?

Я покачала головой, кинув косой взгляд на храм. А после, найдя взглядом письмо на земле, приблизилась, увидев на сургуче простую, но не слабую магическую печать. Мы использовали её с Фредериком в юности, чтобы никто не прочёл написанное...

В день, когда брат научил меня этой печати, шёл дождь. Мы сидели в одной из беседок на территории обители, укрытые от всех деревьями и диким виноградом. Фредерик выводил кистью линии, складывавшиеся в замысловатый символ.

«Запомнила?» – спросил он у меня, подняв голову, а я кивнула, с готовностью ответив: «Да. Запомнила!»

– Сара, – вторгся в сознание голос Люция. Я застыла с конвертом в руках между даэвами ордена Сорель и теми, кто пришёл в этот город вместе со мной.

Сделав первый шаг, я медленно попятилась, не собираясь поворачиваться спиной к Золотым маскам.

Глава же их отряда в ответ поклонился мне. И они просто пошли прочь. Их спины удалялись стремительно, даэвы не собирались здесь задерживаться.

– Прочитаешь? – спросил Сезар.

– Позже, – покачала головой. – Они так просто ушли... А как же... этот городок? Их будто совершенно не волновали люди.

Старые убеждения давали о себе знать. Я знала, насколько они ошибочны. Но всё равно не могла избавиться от смятения. В юности я принимала за чистую монету то, что все светлые будут защищать людей даже ценой своей жизни. Теперь я знала, что это не так. Но всё равно отчего-то удивлялась.

Сезар хотел что-то ответить, когда мы услышали хрип, будто кто-то рядом задыхался. Мы обернулись – младший Рок побледнел, распахнутые глаза блестели, руками он цеплялся за Люция, едва ли не повиснув на нём.

– Не могу... Не могу... дышать... – с трудом выговорил Кьярин.

Моран схватил его за спину, опуская к земле и укладывая на камень. Лицо теневого дива было напряжено, по скулам гуляли желваки – он продолжал держать Кьярина за руки. Его взгляд изучал лицо больного, а после Моран поднял голову, острым взором осматривая площадь.

Прежде чем я успела хоть что-то понять, нас внезапно, оглушив, накрыл отвратительный смрад монстров, настоль-

ко сильный, что даже волосы вставали дыбом. Тошнота подступила к горлу, и я прижала рукав мантии к лицу.

Люций тем временем, оставив Кьярина, стремительно приблизился к дверям храма и дёрнул их на себя, вот только они оказались заперты. В следующую секунду на деревянной поверхности появилась кровавая печать. Она вспыхнула, обуглила дерево, и в центре преграды возникла дыра. Двери сами рывком разъехались в стороны, выпуская наружу непроглядную тьму, которая, как морская волна, понеслась над землёй. Такое количество тьмы этот город ещё не видел.

Моран вскинул руку, широко растопырив пальцы и смотря на энергию Серого мира, которую удерживал на месте. В следующее мгновение сила взметнулась к небесам – высоко, к самым облакам – и расплылась чернильным пятном.

Я смотрела на рассеивающуюся в небе тьму, чувствовала запах крови в воздухе и понимала, что это лишь начало.

А впереди вновь ждала чужая смерть и алая влага, пропитавшая дощатый пол храма. Её следы виднелись всюду: на деревянных лавочках, стенах, полу и даже на самих дверях. Рубиновые дорожки вели к постаменту на другой стороне зала, к фреске с ликом святой в окружении ветвей деревьев, вырезанных в стене.

Лик был не тронут ни энергией Серого мира, ни кровью. Хотя стена вокруг фрески и была заляпана красными брызгами.

Островок невинности посреди кровавой резни. Словно

его не тронули... в насмешку?

И тьма, и свет во мне трепетали в унисон. Магия вдруг нашла единение в одной эмоции: в гневе.

Злость и ярость росли, напоминая кипящий океан. Пока взгляд бродил по храмовому залу, ныне безжизненному, где влажные органы поблёскивали в свете свечей на полу. Многим людям просто вспороли животы, некоторые внутренности ещё сокращались, словно веря, что их обладатели живы. Застывшие взоры, свёрнутые головы и оторванные конечности. Многих стащили в центр, словно воссоздав монумент из плоти под картиной с моим ликом.

Пока мы говорили с Золотыми масками, в этих стенах происходило безмолвное убийство.

Под самой фреской виднелись залитые алой влагой изящно выведенные слова: «Во мраке достаточно одной свечи».

Ни за что на свете мастер, который писал те строки, не мог предположить, что их зальёт человеческая кровь.

– Это следы от когтей твари... – раздался голос Сезара, указывающего на деревянную опору у входа. Он не отходил далеко от Кьярина, что лежал, уже не задыхаясь, но всё ещё бредя с закрытыми глазами и шумно тяжело дыша.

– Они повсюду, – низким тоном сказал Люций.

– Какое существо могло бесшумно убить всех этих людей и остаться незамеченным? – сквозь шум крови в висках услышала я собственный голос.

Картина перед глазами ввергла меня в шок и застави-

ла вспомнить собственного отца с перерезанным горлом. Но выработанные за годы обучения привычки вынуждали думать и анализировать. Никому не станет легче от моих чувств.

– Могу предположить лишь одно. – Моран склонился над одним из трупов. У его ног лежал мужчина лицом вниз. Судя по красной одежде, он был управляющим города, тем самым аристократом, из чьего дома мы взяли лошадь. – Это нечто новое. Новый вид монстров. И он гораздо умнее остальных. – Люций поднялся на ноги. Его движения были резкими, взгляд – тяжёлым. – Ведь убили их бесшумно. Возможно, он даже изначально был среди людей.

– Ты хочешь сказать, что он мог находиться на площади, а мы не почувствовали? – Я заморгала, осматривая зал вновь. Вдруг взгляд уткнулся в Кьярина, лежащего прямо напротив входа.

А ведь он чувствовал... Когда мы только оказались в городе, он ощутил странный запах тьмы...

Но после аромат пропал и появился лишь теперь, когда существо убралось из храма. Будто эта тварь знала, что среди нас есть даэв со способностями младшего Рока.

– Верно. И дар Кьярина особенный. Его не так просто обмануть. Это существо не просто разумно, оно может скрывать свою силу, а значит, управлять ею. Как даэвы своим даром.

После слов Люция повисла тишина. Я сглотнула. Взгляд

упал под ноги, я нахмурилась, заметив кое-что странное. Неподалёку лежало тело человека с остекленевшими глазами, его рука была вытянута, а под ней что-то выцарапано на деревянном полу. Опустив меч, я отодвинула клинком руку мертвеца. Под ней оказались буквы, которые прыгали, словно издеваясь.

«Ещё больше крови для Святой...»

Окончание последнего слова едва различалось из-за крови, залившей всё вокруг.

Я смотрела на обломанные ногти и окровавленные пальцы на руке мужчины, вдруг поняв, что он сам выцарапал надпись на полу перед смертью.

Раздался негромкий звон. Кто-то за спиной обнажил свой клинок.

А у трупа рядом со мной вдруг зашевелилась рука.

Я отрубила голову мертвеца не задумываясь. Одним движением, ощущая, как Туманный проходит сквозь плоть, сталкивается с позвоночником и переламывает его. Оглянулась, видя Сезара, который застыл на полпути ко мне с поднятым оружием. Его губы были напряжённо поджаты. Он опустил меч.

У постамента вновь раздались звуки рассекаемой плоти: Люций отрубал головы всем погибшим в эту ночь, ведь, несмотря на смерть, они стали оборачиваться в ревенантов, будто их тела перед смертью напитали тьмой.

Его чёрный клинок сверкал в ночи, совершая методичные

движения.

– Мы уходим, – достаточно громко произнёс теневой див.

– Лучше сжечь храм целиком, – сказал Сезар.

Моран оглянулся на него и, помедлив, кивнул.

Мы вышли из храма и, перекинув ослабшего Кьярина через седло, быстрым шагом пошли прочь из города, а за нашими спинами пылал храм, окружённый магическими печатями, не позволявшими огню выйти за пределы круга и перекинуться на остальной город. Всё прошло практически в молчании. Собранность и отточенность действий царили в этот момент.

Я то и дело поглядывала на бледного Кьярина – ему всё ещё было плохо. У дороги нас первыми заметили люди Сильфы, ожидавшей за пределами города. Лошади стояли, встревоженно фыркая, будто понимая, что совсем рядом случилось ещё одно страшное кровопролитие. А клубы серого дыма поднимались над домами.

– Нечисть! Что с ним? – услышала я ругательства. Регис бросился к Кьярину.

– Ему стало плохо от запаха тьмы, – поведал Люций. – Предполагаю, он не смог вынести её воню.

Насколько же темна и отвратительна та сила, что она лишила сознания одного из нас?

Сезар с Винсентом спустили больного на землю. Как и раньше, в сложной ситуации обычно рассеянный Винсент становился предельно серьёзным. Он преобразался – каза-

лось, в дива вселялась какая-то другая личность.

Регис на мгновение замер, а потом, будто озарённый идеей, воскликнул:

– Ни у кого нет лаванды?

Не получив утвердительного ответа, вновь склонился над больным. Младший Рок, которому стало чуть-чуть лучше, но всё ещё ничего не понимавший, стал отпихивать от себя врача. Кьярин даже приподнялся, но после, повернувшись на бок, упал, невидящим взглядом уставившись перед собой.

В эту секунду небо неожиданно засверкало. Я вскинула взор, видя, как огни разрезают ночную высь, словно тканое полотно. Звёзды стремительно падали и так же стремительно умирали. Над головой загорались и гасли десятки светил.

Это зрелище заставило всех замереть.

Звездопад ли это? Слишком много пламенных дорог возникло в небе.

В горле пересохло. Кровь зашумела в висках. И в голове неожиданно вспыхнули голоса, соцветие сотен когда-то прозвучавших молитв – и я отчетливо различила фразу: «Когда рождались боги, звёзды падали на землю...»

Это была одна из легенд. Я точно слышала её однажды, но где – не ведала.

«Небесный огонь несёт весть о переменах...» – раздалось следом, и голос слился в гул вместе с другими молитвами.

Тихо... Нет... Голова стала раскалываться. Из носа хлы-

нула кровь. Я почувствовала, как ладонь Люция коснулась моего лица. Моя кровь осталась на его пальцах. Глаза Морана были широко распахнуты, а скулы – так напряжены, что черты его лица заострились.

– Всё в порядке, – прошептала я. С его прикосновением головная боль стала сходить на нет.

Отведя взор, я вдруг заметила, как лицо Кьярина накрыло облако дыма.

Регис быстро забил и закурил свою трубку с лекарственными травами и теперь обкуривал ими младшего Рока, усиленно затягиваясь и выдыхая дым в лицо диву. Кьярин встрепенулся, выпучив глаза на врачевателя, устроившегося на его животе, раскинув ноги по бокам от туловища.

– Проклятье! Убери эту гадость! – воскликнул он, отпихивая от себя Региса, который и не думал прекращать своё *лечение*. Тогда Кьярин попытался дотянуться до оружия. Но он был настолько слаб, что Регис лишь перехватил его запястья свободной рукой. Винсент же сиротливо стоял в сторонке, немного смущённо глядя на происходящее.

Сильфа коротко усмехнулась, заметив:

– Главное – не допустить после убийство врачевателя.

В этом я была с ней согласна.

Прошло время, прежде чем младший Рок окончательно пришёл в себя. И только тогда мы вновь отправились в путь, рассказывая о случившемся в городе остальным, пока над головой продолжали падать одинокие звёзды, а за спиной мер-

цало зарево от сгорающего в пламени храма.

V

Трепет

Каждый взор Сары я чувствую нутром.

В её глазах настороженность и строгость, но в сердце огонь.

А моё спокойствие зачастую требует слишком много сил.

Записки Люция Морана

Сара Сорель

Местность изменилась: почти до самого горизонта раскинулось насыщенного нефритового цвета поле. Трава колыхалась единым строем. Её умиротворяющий шелест разливался повсюду, будто сама природа играла нам на своем древнем инструменте. Наш отряд оставлял за собой полосу приямтой зелени. После случившегося в городе среди нас царило молчание, поначалу навеянное трагедией, после – попытками осознать и напоследок – ожиданием того, кто же первый начнёт разговор. Под конец атмосфера напоминала наблюдение за работой неумелых пчеловодов в ожидании, кто же случайно опрокинет улей, выпуская опасность, таящуюся за тонкими стенами воска. Только Люций едва хмурился, и,

время от времени отделяясь тьмой от его руки, в небо взлетал ворон, поднимаясь и уносясь вдаль.

– Ну и какие идеи? – в какой-то момент поинтересовалась Сильфа, которая задумчиво постукивала указательным пальцем руки по краю своего седла. – Жду ваши оценки. Насколько паршива ситуация?

– А как именно оценивать? – поинтересовался Люций.

– От характеристики «всё волшебное» до «мы в полной заднице»!

– Ну, я бы сказал, что мы застыли где-то посередине. – Уголок губ Люция дёрнулся вверх.

– А посередине... Это где тогда? – озадаченно спросил Винсент, перекладывая поводья из одной руки в другую. – Просто немного непонятная градация, – тихо и несмело продолжил он.

Немного... Только Винсент мог выражаться так мягко.

– По мне, мы ближе к «полной заднице», – хмуро вставил своё слово Кьярин. Его цвет лица стал прежним, но состояние всё равно казалось болезненным.

– Когда рождались боги, звёзды падали с небес... – проговорила я задумчиво и, заметив на себе озадаченные взгляды, призналась: – Это из легенды.

– Да, я узнала, – бросила Флёр, поворачивая голову. Она ехала впереди. – Мы, конечно, уже не так молоды, как ты, Сара, но рано списывать нас со счетов. У меня всё ещё отличная память.

Пока она говорила, на её губах появилась широкая белозубая улыбка.

– Приму к сведению. Но у меня будет ещё возможность в этом убедиться. – Моя ответная улыбка была скорее любезной.

Сильфа усмехнулась, её взгляд перескочил с меня на Флёр.

– Почему ты сказала те слова? О богах, – спросил Сезар, лошадь которого находилась ближе всего к моей.

Я задумчиво облизала губы.

– Я услышала их, когда начался звездопад.

– От кого?

– Ни от кого, – отозвалась я, вызвав волну недоумения на лицах.

– Она сказала «ни от кого»? – негромко переспросил у Винсента посчитавший, что неправильно расслышал ответ, Регис, который ехал дальше всех. Старший Рок кивнул.

– Они прозвучали в моей голове... После того как проснулась, я часто слышу голоса. – Мой взгляд упал на Люция. Я не планировала говорить этого, но сказала. Будто специально, чтобы как-то задеть теневого дива.

– Как занимательно. Надеюсь, хотя бы иногда эти голоса были для тебя приятны, – протянул Моран, будто налету развернув выпущенную в него стрелу.

Я же, проигнорировав его ответ, продолжила:

– Поначалу я слышала голос Долорес Сорель. Долорес за-

ботилась обо мне после того, как я пришла в орден. Но она погибла тридцать лет назад. Отец Фредерика, несмотря на разногласия, думаю, любил свою мать, поэтому спрятал светлый кристалл в её могиле. Полагаю, это светлое сердце таким образом звало меня. – Я нахмурилась, думая о том, что случилось после. – Но с тех пор как я коснулась кристалла, её голос больше не звучал. Его заменили другие: рык тварей у Священного озера и молящиеся люди прошлой ночью.

– Рык тварей?

– Рык, визг. Целая какофония звуков, – уточнила я, невольно насторожившись, приготовившись уловить эти звуки вновь в любой момент. – После того как я их услышала, твари напали на нас. И в последние несколько часов меня не покидает мысль, что у перерождений тьмы... – говорила, осторожно подбирая слова.

– ...Появился разум, – закончил за меня Люций, когда моё молчание затянулось.

– Верно, – кивнула, но, сглотнув, поправила: – Но, скорее, не у каждой твари. А появилось что-то, способное направлять их.

Веских доказательств сказанному у меня не имелось. Но на уровне интуиции я была уверена, что не так далека от правды. Монстры словно знали, кто я, и их внимание было обращено ко мне. Только ли инстинкт убивать двигал ими, или появилось нечто ещё?

Некоторое время вновь звучал лишь шелест травы. Вгля-

дываясь в даль и, кажется, видя очертания приближающегося Красного леса, я пыталась не гадать, что же ждало нас впереди.

Бессмысленно. Мы должны действовать согласно обстоятельствам.

– Если это правда так, то снимаю вопрос, – вскоре сказала Сильфа. – Мы в полной заднице.

– Но даже из этого места есть хотя бы один выход, – заметил Люций, и поспорить с ним было сложно. – Скоро надо будет сделать привал на ночь, впереди Красный лес, лучше не разбивать лагерь слишком близко к нему.

Остальные путники согласно кивнули. О Красном лесе ходила дурная слава, но о Мёртвом лесу на территории Акракса слухи в своё время казались более зловещими.

Мы проехали чуть больше часа, когда ореол алых листьев стал отчётливо проглядываться впереди.

Красный лес действительно оказался близко – алел на горизонте, объятый заревом закатного солнца. Будто пожар... Словно весь Дэвлат пылал, вот только запаха дыма не было. Он в тишине сгорал, объятый проклятием Серой энергии.

Согласно легенде лес стал таким из-за крови теневого бога. Тысячи деревьев в той местности в действительности являлись одним целым, будучи связанными друг с другом корнями. Но самое главное было иным: красный сок, текший в его стволах, попадая наружу, привлекал тварей. Именно поэтому в той местности и появился орден Красного леса, один

из древнейших на землях Дэвлата. Его воины приглядывали за лесом, следили, чтобы люди не трогали деревья, и уничтожали тварей, пришедших на эти земли.

Врачеватель закурил трубку, спешившись, снял седло и стал наматывать круги, разминая ноги.

Последовав его примеру, я тоже решила размяться – взяв в руки Туманный, отошла на некоторое расстояние, обнажив серое лезвие, двигаясь и медитируя с мечом. Сосредоточившись на своём дыхании, не думала ни о чём, лишь ловила взором красные отблески на остром металле.

Когда же остановилась, поборов собственную осторожность, стянула с рук перчатки – ладони вспотели, как и тело под одеждой. К сожалению, до ближайшей реки было слишком далеко, у нас не было времени делать этот крюк.

– Тебе не обязательно им доверять. Достаточно верить мне, Сезар, – проговорила, не оборачиваясь.

– Как ты поняла, что это я?

И правда... Услышала чужие шаги рядом, но вот то, кому они принадлежали...

– Я почувствовала, как и твои терзания. – Повернулась, вновь облачая руки в перчатки. Мне предстояло опять когда-нибудь научиться обходиться без них. Возможно ли это? Со временем узнаю. – Я побывала в твоём теле, связь осталась. Из-за того, что ты рядом, она тянется от меня к тебе, как неразорванная пуповина. Я обрываю её, но стоит подумать о тебе, и она восстанавливается. – Глянула в его тёмные

глаза. Для того, кто провёл некоторое время в темнице ордена Сорель, а после пустился в путь, его одежды оставались на удивление чисты и опрятны. – Прости. Возможно, тебе неприятно. Но пока мне не хватает контроля...

– Если это ты, то я не против.

– Благодарю, – слегка склонила голову.

На его губах от этого жеста появилась слабая улыбка с оттенком горечи.

– Ты вернулась, но я не испытываю той радости, которую должен, – неожиданно признался див. – Вместо этого я чувствую лишь злость и гнев. Глушу желание крушить всё вокруг, потому что на случившееся повлиять уже не могу.

– Но ты гораздо лучше справляешься со вспышками гнева, Сезар, – выслушав его, всё же заметила я. – Вначале мне показалось, что ты даже переборол их. К тому же ты эмпат, и использование твоего дара уменьшает интенсивность эмоций. Наверное, ты давно не использовал свои силы.

– Верно. Давно не доводилось, – задумчиво протянул он. – Что в итоге вас связывает с Пр... тeneвым? О нём ходит много кровавых историй, не все они правда, но в истинности некоторых я уверен. Но ты и все остальные верят ему, идут за ним. Я хочу понять почему. – Его речи звучали почти спокойно, в нём присутствовало гораздо меньше ноток той враждебности, что слышались мне ещё вчера.

– О-о-о! Это никакая не тайна. Я слишком красив и харизматичен, чтобы устоять передо мной. – Люций появился

внезапно, его приближение я даже не ощутила, хотя могла назвать расположение остальных даэвов с закрытыми глазами. Несмотря на отсутствие ограничителя, для моего нового дара он оставался невидим. Видя, как темнеет лицо Сезара, Моран продолжил: – Но может, ещё причина в том, что я не отправляю подчинённых в темницы, если они мешают моим *личным* желаниям.

Люций намекал на болезненную привязанность Фредерика ко мне и на то, что он готов был многое сотворить, лишь бы я осталась рядом.

– Ты их сразу убиваешь? – парировал Сезар.

– Да, если они предали свою клятву верности и истребили почти весь мой род, – откровенно признался Люций. – До сих пор благодарен небесам, что мне хватило сил на возмездие.

– Кровь рождает лишь больше крови.

– Верно. Но я не столь великодушен, чтобы простить. Я совершил это, будучи готовым к той крови, что запятнает мои руки.

Моран совершенно не оправдывался. Он принимал свои проступки. Я тоже принимала их, поэтому зареклась больше задавать подобные вопросы. Теневой див обошёл Сезара, приблизившись ко мне.

– Но орден Сорель ты не тронул.

Люций вздохнул, смотря на меня.

– Хотел. Но смог воздержаться. Почти... Некоторых воинов, которые были при резне в Северной обители, тоже убил.

Предательство *своих* – гораздо более весомый проступок. Если бы не орден с Чёрных Скал, у светлых бы ничего не получилось.

– Резне? – Глаза Сезара расширились. А Люций лишь иронично улыбнулся, склонив голову, находясь очень близко.

– Вот видишь, как много ты не знаешь, – мягким тоном проговорил он, его голос вдруг наполнился бархатистыми нотками. – Сара, поговоришь со мной? Наедине...

Не задумываясь, я кивнула. Мне показалось, что теперь Сезару понадобится время, чтобы обдумать услышанное.

Крутанувшись на пятке, продолжая по привычке сжимать в руке обнажённое лезвие меча, я направилась ещё чуть дальше от лагеря.

– О чём именно ты хотел поговорить? – спросила, остановившись.

– Ты ведь поняла, что тварь не просто имеет разум? Что бы это ни было, оно осознаёт наш мир. Понимает обстановку. – Люций обошёл меня, накрыл мою руку, сжимающую меч, подняв её, направил лезвие в ножны, помогая убрать оружие. Делал это естественно, словно проворачивал этот трюк не единожды. – Постамент из тел был то ли настоящей жертвой, то ли насмешкой. И случившееся как-то связано со служителем на площади, который убеждал людей в той ереси.

– Ещё больше крови для Святой... – вспомнила я надпись на полу храма, глядя себе под ноги, – какой-то жучок заполз

на мою обувь. – Признаться, меня больше всего ужасают эти слова. Я некоторое время не понимала почему. Думала об этом и ощущала, как мурашки по спине бежали. Но когда я поняла, что именно вызывает во мне такие чувства, меня словно ослепило. Руки похолодели.

– Тебе стало страшно? – На лице Люция появилось понимание.

– Думаю, да. Конечно, я и раньше испытывала страх. Но этот был сильнее. – Я подняла голову, прямо посмотрев на Люция. – Ты не испытал его? Страх. Ведь одно дело – сражаться против сильных, но безмозглых тварей. Ты знаешь, что от них ожидать. Но это нечто новое... Оно даже использует нашу письменность. Вот каков истинный смысл тех слов, выцарапанных на полу. Они говорят: «Я знаю о вас».

– У меня есть страхи. Не боятся лишь мёртвые. Но они не касаются тварей, – ответил Моран, разжимая хватку на моей руке. Туманный давно уже находился в ножнах.

Я кивнула словам дива и задумчиво спросила:

– Что ты планируешь делать? Мы всё ещё возвращаемся в Северный орден?

– Думаю, да. Надо собрать воинов.

– Это сложно?

– Нет. Я всегда могу приказать. Такова привилегия моего положения... – отозвался Люций и, неожиданно коснувшись моих волос и заправив прядь за ухо, добавил: – Но не стоит недооценивать веру. Мы все видим, что она может со-

творить. – Моран чуть склонился. – Я желаю, Сара, чтобы они поверили. Поверили всем сердцем, как и я, в то, что ты закроешь этот портал и всё вернётся на круги своя.

Прошло несколько секунд молчания, Люций попятился, убирая свою ладонь за спину, словно пряча.

– Ничего не будет так, как прежде, – сказала я, следя за ним.

В ответ же Люций иронично улыбнулся, пристально глядя на меня.

– О да, это точно.

Лошадей отпустили пастись, стреножив, чтобы они не смогли ускакать. На тонком, как блин, камне, разогретом магической печатью, закипала вода. Винсент сидел в сторонке, раскладывая кости. Я узнала их – останки птицы Рухх с поистрепавшимся пером на мешочке. Отведя взгляд, я села на траву и, недолго думая, достала слегка помятый конверт из складок мантии.

На тёмном сургуче брат собственноручно вывел печать. Уставившись на знак, я некоторое время воскрешала в сознании другие линии, которые являлись ключом к написанному, и вскоре использовала символы прямо на конверте. Печать засияла – неярко, отдавая тёмным серебром.

Сургуч расплавился. Он растекался, скользя по бумажной поверхности и не оставляя на ней следов, и капал на траву.

По конверту пошла волна света. Он открылся сам, мне

оставалось лишь вытащить сложенный пополам лист бумаги.

Я помедлила, прежде чем взять написанное в руки. Оглянулась, убеждаясь, что каждый занят своим делом.

Я знала, что мы с Фредериком ещё столкнёмся, но не ожидала, что так скоро и даже таким образом, через письмо.

Что же ты написал мне, брат? Что отправил, в надежде заполнить ту пропасть, которая пролегла между нами после твоих поступков?

Я развернула бумагу, и взгляд заскользил по словам, сложенным из слегка вытянутых букв, – почерк Фредерика практически не изменился.

«Сара, я чувствую разочарование. Не думал, что по прошествии двадцати семи лет вновь почувствую его так ярко. Мне казалось, я был больше не способен на столь сильные эмоции. Но нет, время ничего не изменило, и моя привязанность к тебе всё та же. Я осознал это в тот самый миг, когда ты шагнула мне навстречу, использовав печать Сорель. Покинув Северный орден, выбрала меня и обняла так крепко, как я уже никогда и не мечтал. В тот момент я вновь ощутил, как ты во мне нуждаешься, будто перенёсся на несколько десятков лет назад. Разве мог я после не воспользоваться этим? Даже теперь я не растерял надежду, что однажды ты вернёшься и всё будет как тогда.

Ирис ведь показала тебе нашу дочь, Сэйру? Она похожа на тебя. Такая же смелая и порой непослушная. Думаю, имя

наложило свой опечаток на её характер. Не зря я назвал её в честь тебя. Даже сейчас она напоминает мне о тебе.

Знаешь, в прошлом я хотел быть лучше для тебя. В юности я хотел стать таким, каким ты желала меня видеть. Но был ли в этом смысл? Мы ведь оба понимаем, что нет.

«Когда ты взойдёшь на вершину, весь мир станет твоим», – говорил мне отец. Власть над всем миром я не приобрёл, лишь часть его подвластна мне. И моя сестра тоже мне не принадлежит. Даже отчасти. Наверное, отец ошибался. Но вот ирония, в итоге мы все стали убийцами. Я, Проклятый и даже ты. Думаю, Айвен в глубине души до сих пор ненавидит тебя, ведь ты отняла у неё мать. Но не вини себя, мы все в те годы оказались перед сложным выбором.

Иногда я желаю, чтобы ты никогда не открывала свои глаза, но в то же мгновение корю себя за эти мысли и начинаю страшиться, что тебя, Сара, вновь не станет. Знай: Проклятый приведёт к гибели. Но когда ты окажешься на краю, я буду тебя ждать. Ведь в этом мире всегда есть твой вечно любящий брат.

Сара, ты знаешь, что надо сделать.

Фредерик Сорель».

В горле стоял ком. Вовсе не от того, что я была растрогана. Мною вновь овладели те напряжение и гнев, что я почувствовала в обители Сорель. Лицо Фредерика, движения его губ, когда он кричал мне, что я тоже убийца, опять предстали перед глазами.

Послышался хруст костяшек – я до боли сжала ладонь в кулак. В юности я думала, что знала брата как самую себя, но что теперь? Я будто раз за разом сталкиваюсь с даэвом, чей образ мыслей мне никогда не постичь.

Фредерик будто оправдывал себя в своих глазах, очерняя меня. Раз за разом сквозь строки я видела послание: «Мы похожи. Если ты считаешь грешником меня, то оглянись, тогда и ты такая же. А раз так, то вины моей нет».

«Ты знаешь, что надо сделать». – Он намекал на то, что мне надо вновь использовать печать Сорель? И он будет ждать меня на той стороне?

– Никогда этого не случится! – прошипела себе под нос.

Я не разорвала письмо, даже не сожгла его в пламени. Лишь, распрямив помятую бумагу, вернула его в конверт с мыслью, что если когда-нибудь воспоминания поблекнут или даже исчезнут, а я вновь стану цепляться за былое, то смогу перечитать эти строки, и всё станет на круги своя.

Покончив с письмом, я поднялась и осмотрелась. Жизнь в лагере стала отрезвляющей рекой с прохладными водами: воины Сильфы готовились к завтрашнему отбытию в орден Западных ветров – дальше их глава собиралась проследовать в одиночку, сама Зефирос разговаривала со своим помощником, Зандером. Поразительно низкорослый для даэва, худой, короткостриженный, с глубоко посаженными глазами. Сколько бы я на него ни смотрела за последние сутки, див всегда выглядел хмурым, недовольным чем-то, немно-

го грозным. В конце концов я стала считать, что это его обычное выражение лица. Регис перебирал содержимое своей сумки, братья Рок бродили где-то вдалеке, а Люций...

Если бы я сейчас что-то пила, то точно бы подавилась. Люций Моран, избавившись от верхней одежды, собрав белоснежные волосы в высокий хвост и оставшись в чёрной тонкой тунике с длинными рукавами, но с распахнутым воротом, стоял над котелком, готовя ужин.

Я приблизилась, придирчиво нюхая пар, идущий от котла. Утром Кьярин подстрелил зайца, и теперь его тушка, видимо, варилась внутри.

– Неужели боишься, что я вас отравлю? – насмешливо поинтересовался Люций.

– Где ты научился готовить? – спросила я, хотя даэвов и учили разбираться в травах и жарить мясо на огне. Но нас точно не заставляли делать супы в академии. Даже с тем, что преподавали, многие справлялись неважно, считая это ниже своего достоинства.

Люция мой вопрос ещё больше развеселил.

– Сара, я не всегда мог жить в комфорте. Пару лет я провёл в Кервеле. И Азий мне спуску не давал. Мы готовили по очереди.

– Азий?

– Ты его встретила в Кервеле. Престарелый даэв.

Я закивала, понимая, о ком он.

Аромат, который шёл из котелка, заставил желудок заур-

чать. Я смутилась.

– Хочешь попробовать?

– Нет, – поспешно отозвалась я, видя, как див уже тянется ложкой к вареву. – Я потом, со всеми.

– Уже практически готово, – заверил Моран.

Наблюдая, как он сам пробует то, что приготовил, я позвала его:

– Люций.

– Да?

– Что ты чувствовал, когда открыл раскол?

Мой вопрос согнал улыбку с его лица. Моран предельно серьёзно взглянул на меня.

– Гнев, ярость, желание убить. – Каждое слово звучало как удар. – Убить всех, кто там был. Я желал этого больше, чем жить.

– Этого оказалось достаточно? – Его ответу я не удивилась.

– Да. Более чем. – Теневой див оставил ложку неподалёку от камня, на широком листе травы, и шагнул ко мне. – Поэтому я не сомневаюсь, что, когда настанет время, Сара, ты закроешь портал.

– Поэтому? – Я совершенно не испытывала той непоколебимой уверенности, которая звучала в его голосе.

На губах Люция появилась слабая улыбка, и он почти прошептал:

– Ведь, в отличие от меня, ты пожелаешь всех спасти.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы принять слова Морана. Они меня смущали, рождали внутри смутную тревогу. И в какой-то момент я спросила саму себя, может ли быть Люций не прав? Вдруг прошлое, которое всё ещё оставалось сокрыто, изменит меня, когда я всё вспомню?

Люций видит меня в ярком свете, когда для самой себя я словно укрыта тенью. После воспоминания о смерти Изабель и её крови на Туманном я больше не была прежней.

Готовка Люция оказалась неплоха. Точнее, это совершенно не уступало привычной еде, и, судя по выжидательному взгляду Морана, когда я пробовала первую ложку – див знал это, и моя реакция позабавила главу Северного ордена.

Но теперь, отдыхая с дороги, я то и дело бросала взор на свой меч. Эмоции, которые вызвали письмо от Фредерика и беседа с Мораном, не давали усидеть на месте. Руки словно гудели. Мне хотелось подняться и бежать, только куда – совершенно не знала.

Наткнувшись взглядом на Сезара, я поднялась.

– Сразишься со мной? – Мой вопрос стал неожиданно для дива. И не только для него.

– Хочешь проверить мои навыки? – Сезар вспомнил, что когда-то именно я тренировала его.

– Нет, свои, – обронила, взирая на него сверху вниз.

– Хм. Ладно. Всё же я рад, что ты обратилась именно ко мне, – проговорил светлый див, поднимаясь.

Стоило ему это произнести – и только тогда я поняла, что почему-то подошла не к Люцию. Ныне в любой ситуации я бы направилась в первую очередь к Морану. Это было естественно, словно иначе и быть не могло. Вот только не с нынешней просьбой. На уровне интуиции я понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

«Но почему?» – Брови сошлись на переносице, я оглянулась, будто могла найти ответ вокруг себя.

Но отыскала лишь Люция – его глаза загадочно сияли. Он наклонил голову вперёд, так, что лицо скрыла тень. Подняв руку, он прикоснулся к своей шее.

Я отвернулась, когда меня окликнул Сезар, но в этот момент была готова поклясться, что Люций был рад, и мелькнувшая таинственная усмешка с полным ностальгии взглядом выдавали его с потрохами – теневой див о чём-то вспомнил.

Сев на ствол упавшего и давно высохшего дерева, Регис начал выкладывать на его неровной поверхности баночку с мазью, ткань для перевязки, а после тщательного обдумывания и недолгого отрешённого взгляда в небо – закупоренную воском склянку с иглой и ниткой, что использовали для зашивания глубоких ран.

– У нас лишь тренировочный бой, – произнёс Сезар, перекидывая меч из одной руки в другую. Его светлая мантия лежала, аккуратно сложенная, на подушке из примятой тра-

вы. – Это не понадобится, – добавил светлый див, намекая на все приспособления, появившиеся из сумки врачевателя.

Сжимая рукоять меча, я старалась очистить мысли. Со времени пробуждения я ещё не участвовала в сражении против другого даэва. Короткие выпады и моменты, когда я вынуждена была обороняться, в счёт не шли. Я лишь недавно вновь почувствовала свой меч, но, несмотря на восстановленную связь, мало понимала, на что он был способен.

– Мне решать, что может понадобиться, – возразил Регис, чуть подумав и вытащив ещё одну баночку с мазью.

– Не обращайтесь внимания. Регис мнителен. – Люций словно появился из ниоткуда.

– Это не мнительность, а профессионализм, – проворчал врачеватель, замечая Кьярина, который, с невозмутимым видом обойдя бревно, сел на другом его краю. За последние сутки эти двое не перекинулись и словом. Региса раздражало, что его не поблагодарили за спасение и к тому же попытались задушить. Впрочем, его реакцию можно было понять.

Что же происходило в голове у Младшего Рока, и вовсе оставалось загадкой. Он неожиданно стал мрачен и задумчив, почти прекратил ругаться на вонь, стоило врачевателю забить свою трубку. И именно это молчание отчего-то сильнее нервировало Региса. Див стал более дёрганным.

Я глубоко вдохнула, поднимая клинок. Моя мантия, как и у Сезара, лежала прямо на земле. Оставшись лишь в тунике, прислушиваясь к себе, я пыталась понять, насколько ослабло

моё тело за годы сна и ослабло ли вообще... Возможно, оно стало только сильнее из-за силы светлого осколка.

Бой начался внезапно и быстро. Первым напал Сезар: даже среди белого дня его светлый клинок яркой молнией вспыхнул, метнувшись в моём направлении. Я вскинула Туманный в последний момент, не без труда сдерживая удар и замечая краем глаза, как кусочки срезанной травы после случайного соприкосновения с мечом дива с шелестом упали на землю.

Лезвие Нэглинга сверкнуло. Было странно видеть оружие в серьёзном бою, ведь я застала времена, когда Сезар управлялся клинком довольно неуклюже. Его меч был назван в честь оружия из легенд светлых. Клинок, выкованный народом Фатта для светлой богини Эсмиры. Но сама богиня им не пользовалась, передав его одному из приближённых воинов. Но, как и многие вещи, созданные Фатта, меч обладал особой магией, не доступной ни одному другому клинку.

Следующий удар я едва не пропустила, с опозданием осознав, что оказалась открыта. Но Сезар помедлил перед нападением, и это позволило мне сориентироваться.

Рассеянность и смятение. Какой-то страх и робость.

Удар и вновь столкновение. Я шагнула назад, ведь нападать не могла.

Страх того, что у меня не получится? Что я уже не та, кем была? Тогда... кто я?

Рука, сжимавшая Туманный, задрожала, равновесие сил

внутри меня расшаталось, и это сказывалось на связи с мечом. Дыхание сбилось, звучало тяжело – и это всего лишь после нескольких минут боя. Если нет уверенности в себе, то откуда она возьмётся в руках?

Сила не рождается из пустоты.

– Отдохнём? – предложил Сезар, проницательно смотря на меня, обеспокоенно и заботливо. Но именно его взгляд, в котором я была слабой и хрупкой, заставил меня собраться, стиснуть зубы, до боли в пальцах сжать клинок.

– Нет, – покачала головой. – Мы только начали.

Происходящее рождало в душе позабытое чувство, навеивая старые воспоминания, когда, являясь дочерью Сорель, я всё ещё была никем.

В те времена мои руки всегда были облачены в перчатки, прямо как теперь. Только тогда в управлении своенравным даром это мало помогало. Я всё равно чувствовала эмоции окружающих. Тонкая преграда скорее защищала всех от меня, ведь коснись я в то время чужой кожи, сдержать магию бы не смогла и навредила.

Дети даэвов начинают обучение в обители с семи лет, я же приступила с одиннадцати. И я была другой. Девчонкой, появившейся из ниоткуда и сразу вошедшей в главную семью. Спустя несколько лет я поняла, что если ты отличаешься от остальных, если у тебя есть то, чего желали бы окружающие: слава, влияние или, может, сила, – то приготовься, будут и те, кто посчитает, что ты получил всё незаслуженно. Они ре-

шат, что сам по себе ты ничего не значишь. И они постараются убедить в этом тебя самого.

А у меня же не было ничего из перечисленного, разве что дар, за который я платила немалую цену. А имя оставалось лишь именем. Сути оно не меняло. Только внимание Долорес и Фредерика имели какое-то значение.

И, беря в руки меч, пытаюсь сражаться с теми, кто был намного лучше меня, уже несколько лет упражняюсь с клинком... Каждый раз... Каждый проклятый раз я чувствовала все их эмоции. Насмешку, злорадство и пренебрежение. Я падала, получала синяки и раны, окружённая их чувствами. И в конце концов собирала свои силы вновь и поднималась.

Это было тайной, но некоторые сверстники в ордене Сорель всё равно знали о моём происхождении. Даэва воспитывает человек? Большого унижения и не представить. Они считали, что я никогда не стану такой, как они. Никогда не сравнюсь. В те годы Фредерик стал спасительной тростинкой в океане чужой жестокости – в спарринге с ним я не ощущала тех отравляющих меня эмоций.

Наоборот, интерес, искреннее желание помочь. После Фредерик наблюдал за моими сражениями с остальными, следил внимательно и твёрдо, будто одним взором внушая силу и уверенность.

Перед глазами, словно наяву, пронеслось случившееся в обители Сорель. Обездвиживающие браслеты на моих руках и ногах, моя беспомощность, его давление и власть. Под-

лость в прошлом и такая же неизменность в настоящем, с которой он раз за разом называл меня убийцей.

«Мне жаль, что всё так случилось... брат... Не знаю, кто в этом виноват. Твой отец, положение в ордене, давление или чужие ожидания. Может, если бы ты родился обычным воином, то был бы намного счастливее. Но в конце концов, твой нынешний путь – это твой собственный выбор, – подобно безмолвной исповеди прозвучало в моей голове. – Я не считаю, что виновата. Мы лишь пошли каждый своей дорогой. Придерживались тех решений, которые считали правильными».

Меч в моих руках объяло дымкой – такой же серой, как сама сталь, как дым, что поднимался несколько дней назад над храмом в покинутом городе. Звон оружия при столкновении зазвучал особенно громко. И сталь будто запела. Вибрация, прошедшая от клинка к оружию Сезара, вдруг заставила его отшатнуться и выронить меч. Он схватился за своё запястье – его пальцы дрожали.

Случившееся заставило почти всех вокруг на несколько секунд оцепенеть. Казалось, в воздухе повис звон. Сезар изумлённо поднял взор от своей руки на меня.

– Извини. Я... – начала было.

– Всё в порядке. Я не пострадал, – прервал Сезар меня. И будто в подтверждение попытался согнуть пальцы. Но он резко скривился от боли, а на скулах заиграли желваки. – Будто... ударили хлыстом, – сдавленно продолжил он.

– Сейчас посмотрим, – сказал подошедший к нему Регис, взяв его за руку и принявшись с прищуром её осматривать. На вид ладонь Сезара оставалась совершенно невредима. Врачеватель стал ощупывать пальцы.

Я взглянула на Туманный. Серое лезвие вновь выглядело как обычно. Если теперь этот клинок можно назвать обычным. Случившееся не напугало меня, наоборот, поселило в голове поразительное хладнокровие и спокойствие. Но я избегала смотреть на других, чтобы не видеть немой вопрос в их глазах.

«Как? Что только что произошло?»

Точных ответов я не знала. Пусть в моей голове и родилось предположение. Туманный – продолжение меня. Меч стал сильнее, и металл среагировал на мои настрой и желание. Он использовал магию внутри меня, чтобы поразить противника, используя его собственное оружие. Похожее уже происходило в обители Сорель, когда Люций потревожил пчелиный улей.

Вскоре врачеватель сообщил, что с Сезаром всё будет в порядке, но необходима пара дней на восстановление. Но на этом было решено с тренировкой закончить.

– Занимательно, – стало первым комментарием о случившемся. И прозвучало оно из уст апатичного Зандера, который был скуп на слова и начинал первый беседу только в том случае, если она касалась какого-то важного дела.

Сильфа скосила на него взгляд, выглядя непривычно се-

рѣзно. А в следующую секунду она усмехнулась уголком рта и, резко крутанувшись на каблуке, направилась к месту нашей стоянки. Остальные как по команде последовали её примеру. Нам следовало продолжить путь.

– Вторую половину боя ты стала похожа на себя, – проговорил Люций, останавливаясь рядом, плечом к моему плечу, и едва ощутимо кладя ладонь на мою спину.

– Но до этого не была...

– Сара, это была похвала, – с лёгким весельем заметил он. – Ты – всегда ты, – заявил он, противореча недавним словам. – Но сама себя ты принимаешь лишь сильной, ненавидя собственную слабость. Я это понимаю. – Его пальцы на моей спине стали ощутимее. Люций слегка склонил голову ко мне. – Поэтому и говорю, что ты была похожа на себя. Твои удары стали непоколебимы. Знаешь, в чём всегда была твоя отличительная черта в бою?

– В чём?

Люций распрямылся, его рука больше не лежала на моей спине.

– В изящности и... неотвратимости.

Уже вечером, перед самым сном, сидя на соломенной подстилке, которая заменяла лежанку, и вновь раскуривая свою трубку, Регис вдруг заметил:

– Лучше Саре пока тренировочные бои не проводить. Ведь если кто-то всерьёз пострадает в пути, это очень замед-

лит всех нас. – Он красноречиво намекнул на Сезара, который до сих пор крайне бережно относился к своей руке.

Оставшись наедине с Сезаром, я извинилась. Мне было жаль, что я причинила ему боль. Но в то же время вину я не испытывала. Это лишь удар. Если за каждое ранение на спарринге корить себя, это будет просто смешно.

– Может, ты прав... – согласилась я.

– Ну только если Люций, – проговорил Регис, выдыхая облако дыма. – Его ты вряд ли покалечишь.

Винсент вдруг часто заморгал, а после бросил быстрый вопросительный взгляд на Люция. Флёр нахмурилась. Сидя на бревне, она потихоньку копала носком обуви землю.

Повисла тишина. Было лишь слышно, как Сильфа громкими глотками пила вино.

– Что с вами? Я сказал что-то не так? – озадачился врачеватель.

– Нет, это не вариант, – вмешался Моран с вежливой и сдержанной улыбкой.

– Почему? – Мы с Младшим Роком спросили одновременно. Я спокойным голосом, а он оживлённым и более удивлённым.

Люций устремил взор ко мне, смотря долго и не мигая.

– Я не могу с тобой сражаться, – повторил он свою мысль и сделал щедрый глоток вина.

– Э-э-эм... – замялся Кьярин, прежде чем неловко провести рукой по волосам и продолжить: – Не можешь? Что это

за причина? Или раз вы в таких отношениях, то боишься её ранить?

– В таких отношениях? – насмешливо переспросил Люций. – Ты даже не представляешь, как оскорбил Сару своим предположением. – Он передал мне бурдюк и, сплетя пальцы в замок, продолжил: – Я в буквальном смысле не могу поднять на Сару меч.

Заметив по лицу Кьярина, что он ничего так и не понял, Люций, помедлив, наклонился вправо, используя руку как опору, потёр указательным пальцем бровь и, вновь внимательно глядя на меня, пояснил:

– Я настолько не желаю причинить ей вред, что клинок тяжелеет в моих руках.

Люций со вздохом поднялся и, вытащив меч, медленно повернулся ко мне.

Я не шелохнулась и не отвела взора, когда клинок поднялся в воздух. Оставалась неподвижна, сидя на своём месте. В то время я ощутила, как напрягся рядом сидящий Сезар. Раздался шорох его светлой мантии и рукавов. Ещё мгновение, и, возможно, он прикрыл бы меня собой, не веря недавним словам Морана. Вот только в следующий миг Люций бессильно поморщился – его руку повело, и он согнулся с трудом удерживая Терпеливый в нескольких десятках сантиметров над землёй. Но вскоре и пальцы разжались, а клинок с глухим звуком рухнул на землю.

– Проще было показать, – сказал див надтреснутым го-

лосом, словно подобная демонстрация стоила ему немалых сил. Мне почудилось, что это представление было только для меня.

Пока Люций возвращался на своё место, я медленно прокручивала в голове увиденное: Моран не может сражаться со мной из-за своего меча, который на короткий миг настолько отяжелел в его руках, что едва не склонил дива к земле.

Если я занесу свой Туманный над Люцием, будет точно так же? Мой Туманный тоже откажется его атаковать? Неслыханное своеволие клинка перед своим хозяином, сказали бы люди. А даэвы посчитали бы иначе, ведь клинок – это часть воина. За годы он становится с ним един, и, если меч не желает чего-то делать, значит, таково истинное, глубокое желание его хозяина, проросшее корнями через всё нутро.

Всё ещё обнажённый меч из тёмного металла лежал неподалёку от моих ног. Люций не торопился его поднимать. А сталь сияла, отражая немного искажённый окружающий мир вокруг. Щербатое остриё с отколотым кусочком сверкало, усиливая пламя маленького костерка, что ютился в выкопанной неглубокой яме. И этот отблеск точно заморозил меня, приоткрывая завесу прошлого в моей голове.

VI

Проклятый предмет

*«Лепестки облетают, к небу стремясь,
И время течёт, как река.
Мы все здесь связаны, мы все одиноки».*
*Древняя песнь даэвов,
из записей ордена Помнящих*

Гренер

Сара Сорель. Тридцать лет назад...

– Что их ожидает? – проговорила Флёр, собирая пожитки и искоса смотря на скованных тeneвых даэвов ордена Чёрных Скал. Самый главный из них сидел с прикрытыми глазами, будто скрываясь от позора. Все могли видеть обездвигивающие браслеты на их руках.

– За проступок будет отвечать орден Чёрных Скал целиком. И воинов передадут их главе. Захочет – накажет, пожелает – освободит, – отозвалась я, опуская взор.

– Зачем тогда сейчас их так заковали? Всё равно сбежать не смогут, – удивилась Флёр. Она почти собрала свои вещи.

Совсем скоро наш отряд должен был возвращаться обратно в Академию Снов.

– Показательно. Для людей, – коротко бросила я. – Чтобы они видели неотвратимость наказания. Даэв ты или человек, за проступок следует кара. Хотя не уверена, что люди именно такой видят кару за их проступки. Всё же отравленная вода в Гренере вызвала не одну смерть.

Несправедливо. Но даже короли, не говоря о нашем народе, оценивали жизнь одного даэва-воина равной паре десятков обычных человеческих жизней. Я же считала, что именно знание о таком положении вещей развязывало руки стражам с нечистыми помыслами.

Я распрямилась, держа в одной руке вещевой мешок, а в другой меч. Пошла по лагерю, собираясь проветрить голову от тяжёлых дум, пока имелась возможность. Флёр собиралась спросить ещё что-то, но у меня не было желания разговаривать. Мысли крутились в голове, сменяясь, как облака на небе при сильном ветре. Я никак не могла выбросить картину случившегося прошедшей ночью.

Ворон с алыми камнями вместо глаз и с распростёртыми крыльями, качающийся на светлой цепочке... Как я могла в детстве познакомиться с сыном главы Северного ордена? Любой другой даэв и не приблизился бы к человеческому ребёнку. Но Моран... Это ведь вполне было в его духе. Я же его ещё в самом начале за девочку приняла... Лицо друга из детства я и поныне толком не помнила, но мелкие детали всё

же всплывали и сходились воедино.

Я сама не заметила, как дошла до статуи юноши, что мы видели накануне днём. Прекрасное лицо отстранённо смотрело перед собой, но взгляд казался понимающим, с какого ракурса ни подойди. У ног вились вырезанные из дерева цветки морозии.

«Возродись, обращаясь в прах», – по-прежнему гласила надпись.

– Вам понравилось? – раздалось из-за спины. Я так задумалась, что и не обратила внимания, как человек подошёл столь близко. Непростительная ошибка. Собственные переживания сделали меня рассеянной.

Старик медленно приблизился вплотную, держа руки за спиной. Он поднял голову, как и я секунды назад, обращаясь взором к деревянной статуе. Ещё вчера нам едва удалось переговорить с ним, а теперь пожилой мужчина стоял на расстоянии вытянутой руки, и никого не было рядом, помимо живущего своей жизнью леса.

– Это ведь вы отправили письмо в Академию Снов о неизвестной болезни? – проговорила я, желая подтвердить свою ничего не значащую догадку.

– Да, верно. Вы очень догадливая для своих лет, – мирно отозвался он скрипучим старческим голосом. – Сколько вам?

– Девятнадцать, – не стала скрывать я. Возраст для меня мало что значил. У даэвов всё непредсказуемо. Сегодня мне

девятнадцать, а завтра я погибну, так и не дожив до двадцати. Хотя о последнем я старалась не размышлять. Слишком многое я ещё хотела сделать, слишком многих спасти, слишком многое приобрести...

– Так и думал. Совсем молодая, – покачал головой старец, а его кустистые седые брови сошлись на переносице. Глядя на статую, он тяжело выдохнул, прежде чем произнести: – Эсм умер, когда ему исполнилось двадцать три. И он был так благодарен, что дожил до этого возраста, что сейчас мне даже стыдно.

– Вы его знали? – Я смотрела на статую юноши. Тяжело было поверить, что когда-то он правда был живым человеком. Слишком я привыкла к многовековым статуям и смутным обликам богов, которые создавались по текстовым описаниям, обретающим форму лишь благодаря рукам и воображению мастеров.

– Не близко. В то время мне было лет семь. Может, восемь. Никак не могу определиться. Но если бы вы его видели, то поняли, почему все считали Эсма богом. Даже я, маленький мальчик, решил так.

– Но что именно заставляло так думать?

Старик сощурился, слабо улыбаясь. В уголках его глаз, словно трещинки, расходились многочисленные морщины.

– Это не объяснить... Только почувствовать. Тепло и свет. Спокойствие и вера.

Мы оба замолчали, взирая на юношу, который оставил по-

истине глубокий след в чужой памяти. А мои мысли вновь свернули в сторону Люция. Я много раз вспоминала о том дне в Фатсаре. О субботней ярмарке, пахнувшей сухой листвой и душистыми яблоками. После произошедшего с моим отцом то время словно подёрнулось поволокой тумана, укрывшей за собой всё, что вызывало тоску и тревожило рану. Но только не эту судьбоносную встречу. Она золотистым росчерком осталась на полотне моей жизни.

Возвращалась я обратно в спешке, когда поняла, что моя прогулка затянулась.

К этому времени в лагере все собрались, и больше не было палаток, выросших посреди лиственного леса. Пожелтевшая листва, ещё вчера весело хрустевшая под ногами после прошедшего поутру дождя, прилипла к земле. Было влажно и прохладно.

Ненароком я нашла взглядом Люция. Див разговаривал с даэвами из ордена Ликориса, которые явились на письмо, посланное Белым вороном. Теневые воины встретили нас с Люцием уже на подходе к городку, давая понять, что все тревоги позади.

На одеянии даэвов, словно уродливые пауки, видимые в складках ткани, расползались алые Ликорисы. Вышивка на самом деле была искусной и красивой, но цветы смерти на одежде совершенно не вызывали у меня положительных чувств. Прибывшие стражи наверняка были опытными воинами, и от этого почтительное внимание, которое они вы-

казывали Люцию Морану – молодому даэву, который даже не окончил академию, – рождало противоречивые эмоции от странности происходящего. Я вдруг осознала, что долгое время будто находилась в заблуждении, не придавая должного внимания истинному положению вещей. Как моего брата отец воспитывал и готовил к тому, чтобы он занял место главы, так и Морану прочили подобную участь.

И на первый взгляд див с ней справлялся, преображаясь прямо на глазах и становясь другим за пределами мира Академии Снов. Внимательнее и серьёзнее.

Неожиданно чужие эмоции словно остриё копья коснулись меня, прервав мысли и заставив повернуть голову чуть в сторону. По рукам от пальцев, по запястьям и до самых плеч, прошёл холодок – тело реагировало на низменные чувства. Там, сидя на своей сумке, с мрачным видом ковыряя палкой землю, сидел Коэн.

Помедлив, я направилась к нему.

– Можно подумать, что ты не рад, – заметила я, приблизившись.

Плечи дива вздрогнули, словно я застала его врасплох. Обычно не в моих правилах было говорить об эмоциях, которых случайно коснулся дар, ведь это всегда рождало проблемы – презрение, страх, грубость, – но только в данной ситуации промолчать я не смогла.

– О чём ты болтаешь, Светлая? – прошипел див, вскипая, оглядываясь и яростно сверкая глазами. – Чему я не рад?

– Тому, что мы не пострадали. – Это уже звучало как обвинение.

Коэн резко вскочил на ноги, выронив палку. Теперь от него исходили лишь взвившиеся паника и испуг.

– Ты... ты... не применяй ко мне свою треклятую силу! – Он сплюнул на землю и, рывком подхватив вещи, тяжело ступая по земле, пошёл прочь, заставляя задумчиво смотреть ему вслед.

– Что у вас случилось? – внезапно раздался озадаченный голос, от которого уже вздрогнула я. Моран стоял позади, утомлённый после тяжёлой ночи, под его глазами пролегли тёмные круги, а кожа стала ещё светлей. При этом див всё равно не выглядел болезненно. Я слишком долго молчала, рассматривая Люция, неосознанно желая запомнить *эту* его сторону.

– Ничего, – наконец-то ответила я, отводя взгляд.

– Норкросс сказал всем собираться. Мы выходим.

– Ладно, – сказала было я, а после, словно опомнившись, встрепенулась: – Подожди... – Резко обернулась к нему, едва не задев плечом грудь теневого дива. – Ты тоже возвращаешься? – произнесла с очевидным волнением в голосе. А потом, опомнившись, постаралась исправить ситуацию: – Мне показалось, что ты останешься до выяснения всех обстоятельств.

– Да, я возвращаюсь, Сара, – ответил он, смотря на меня изучающе. Взгляд его серых глаз оказался слишком прони-

зывающим. – Разве нам не надо поговорить?

– Думаешь, сейчас подходящее время? – сглотнув, отозвалась я, намекая на то, что уже половина нашей группы двинулась в путь.

Люций усмехнулся.

– Я будто наяву вижу, как крутятся шестерёнки в твоей голове.

– Чушь, – сказала резко, всё ещё избегая его взора. – Я подожду.

– Хм, уверена? Если судить по тому, как совсем недавно ты не могла оторвать от меня взгляд, складывается совершенно другое впечатление.

– Я... – Так и не договорив, я шумно выдохнула, сдаваясь и оборачиваясь к Люцию. – Как давно ты всё понял?

Лицо Морана вдруг стало предельным серьёзным.

– С охоты в Турисе, когда увидел цепочку.

– Так давно? – Я была озадачена. Мне вдруг вспомнился момент у подземной реки, когда я едва не утонула. Такая мелочь, но я не забыла, как эмоции Морана вдруг усилились, вспыхнули, как пламя. – И почему же ты не сказал мне раньше?

– Когда? Написал бы в письме? Сара, знаешь, а мы с тобой встречались детьми. Представляешь? – Его брови в наигранном удивлении изогнулись. – Удивительное совпадение, и я сам не понимаю: как так вышло? Ничего себе! – произнёс он с чувством. Будто вся ситуация лишь одна сплошная шутка.

Но даже больше не имея возможности применить свой дар к Морану, я видела его волнение. Мы уже так хорошо друг друга знали, что в некоей степени это даже пугало. И рождало саму по себе поразительную мысль: «А есть ли хоть кто-то ближе мне, чем Люций Моран?»

Всё моё существо обратилось в оголённый нерв, когда я осознала это. Фредерик, Айвен и даже Долорес, по которой я неизменно скорбела, всегда между мной и другими чувствовалась незримая стена...

– Са-а-ара-а-а. – Моран сжал моё плечо, будто отчаявшись привлечь к себе внимание.

Я наконец-то сосредоточила на нём взгляд, точно лишь сейчас увидев. Его серебристые волосы качнулись, когда он наклонился надо мной. В солнечном свете они мерцали словно драгоценные нити. А я неожиданно ощутила непривычный для себя гнев, который даже не подумала сдержать, когда кое-что поняла.

– Как ты мог их обрезать? – От ярких лучей солнца, выглянувшего в просвете облаков, мои глаза заслезнились.

– Что? – опешил Люций. На мгновение он будто бы даже испугался.

– Как ты мог обрезать свои прекрасные волосы? Послушал какую-то человеческую девчонку. Ты несносен. Нет, ты... – я сглотнула, находя непривычное для себя слово, – ...ты чокнутый. Точно сумасшедший.

Лицо Морана вытянулось, мои слова рождали на его лице

целую бурю чувств.

– Тише, Сара. Тише, – сказал див, смея ещё улыбаться. Отчего-то Люций выглядел таким довольным, будто отыскал описание крайне редкой и сильной печати в библиотеке. Меня же его радость безумно раздражала.

Я шумно втянула воздух, беря верх над эмоциями. Обычно мне не хватало собственных чувств, чтобы испытывать хоть что-то, но ныне сердце стучало, сумасшедше отдаваясь в висках, и напряжение перекачивалось по всему телу.

Что со мной? Что со мной происходит?

Задала сама себе беззвучный вопрос, в то время как Люций за моей спиной проговорил тихо, так, что услышать могла только я:

– Этой «какой-то девчонкой» была ты, Сара. И этого мне было достаточно.

Спустя полгода...

Поляна вся заросла жёлтыми маленькими лютиками, стебельки которых покачивались, тревожимые ветром. Весна только пришла, прогнав вечную сырость и позволяя солнцу пригревать землю своими лучами. Растения, почувствовав начало нового круга жизни, расцвели целой палитрой зелёных оттенков. Из-за благоприятной погоды и одного неприятного происшествия в теневой башне многие занятия стали проводиться на улице. Ученики и наставник зачастую си-

дели на соломенных циновках, но для удобства на поляне имелся тяжеловесного вида деревянный стол с перекрещенными ножками и мощной столешницей, которую украшал естественный древесный узор.

Наставник, который преподавал у нас «Теорию порождений тьмы», задерживался. Говорили, что он собственно-ручно помогал восстанавливать стены башни, разрушенные недавним взрывом магической печати: ученик на первом году академии неудачно использовал символ, вследствие чего разрушились несколько каменных кладок и пол между шестым и седьмым этажами, а пять молодых даэвов уже почти неделю находились под присмотром врачей.

Прошло всего несколько минут с начала занятия, когда от теневой башни отделилась фигура наставника. Терсеро Керро нёс в руках серебряный, начищенный до блеска поднос, на котором лежали два предмета, накрытых тёмными кусочками ткани, – судя по силуэту, один был высокий, а другой не больше трёх-четырёх сантиметров.

Последние несколько месяцев наш год обучения не участвовал в охотах. Всё время посвящалось теории и практике внутри стен Академии Снов. Мы совершенствовали свой дар, навыки, знания печатей, изучая формы, какие могла принять энергия Серого мира.

Самую главную сложность представляло то, что все люди перерождались в ревенантов по-разному: почти у всех вырастали когти, но некоторые были настолько прочны, что

могли оставить след на листе металла, по-разному видоизменялись конечности, и уровень физической силы в их теле тоже отличался. Информации в хрониках накопилось столь много, что дисциплина изучалась уже второй год.

– Вы можете никогда не столкнуться с такими тварями. Но если вдруг это когда-нибудь произойдёт, – часто повторял учитель во время занятий, – возможно, эти знания спасут вам жизнь.

Вот и теперь, подойдя к деревянному столу и оставив на нём серебряный поднос, наставник повернулся к нам:

– С сегодняшнего дня мы приступим к практическому изучению проклятых предметов. Вещей, на которых энергия Серого мира оставила свой след. – Рука наставника задумчиво остановилась на полпути, а после он аккуратно, взяв за край ткани, снял материю с одного из предметов. Под ней оказалась фарфоровая тарелка с узорами, на поверхности которой что-то лежало. Лишь приглядевшись, я рассмотрела золотистый тонкий ободок с мутным камнем цвета пасмурного неба в центре.

– Кольцо? – раздался удивлённый шепоток за спиной.

И будто в ответ на него, наставник произнёс:

– Вам кажется, что это лишь украшение. Но что, если я скажу, что в народе его прозвали «Сжигающий всё на своём пути»? – Слова учителя возымели эффект тишины. Взоры наполнились недоверием и сомнениями. Я чувствовала, как буквально несколько секунд назад эмоции окружающих,

невывразительные или не относящиеся к занятиям, превратились в абсолютное, всепоглощающее внимание к кольцу, один вид которого ныне заиграл особым смыслом. Как, например, острое волнение Рениты из малочисленного теневого ордена Чёрного Лебедя, которая как раз спрашивала что-то у сидящего неподалёку Люция Морана, а теперь не могла оторвать взгляда от мутного камня.

Все выходящие из ряда вон случаи, связанные с влиянием энергии Серого мира, даэвы заносили в хроники, но уже после разные истории столкновения с порождениями тьмы распределяли по спискам: «Самое неожиданное появление нечисти за век», «Десять самых халатных ошибок стражей», «Частота становления ревенантами ремесленников разных занятий» и дальше в таком роде. Списков было крайне много, но, несмотря на это, каждый год составлялись новые.

Но из множества перечней самым зловещим был тот, который распределял позиции по количеству погибших людей. И все, кто доучился до второго года обучения, знали, что проклятая вещь под названием «Сжигающий всё на своём пути» занимала там пятую строчку.

За последние два века кольцо, вот так просто лежавшее на серебряном блюде, стало свидетельством и причиной одной из самых массовых гибелей людей на материке.

Я оглянулась, осмотрев вновь поляну. Чёрные и светлые одежды контрастировали между собой, оставляя тонкую полосу зелени, словно прочерчивающую границу. После собы-

тий в Гренере и долгого периода натянутых отношений между светлыми и тёмными орденами, подогреваемых политикой короля Акракса, который так жаждал развернуть войну, прежние порядки вернулись. Прошлые грехи и ошибочные обвинения с лёгкостью забылись. И обе стороны старались держать дистанцию.

– Сила кольца в том, что оно в очень короткий срок сводит с ума своего обладателя, – продолжал наставник. – Кто знает его историю?

Несколько даэвов подняли руки, и наставник кивком головы указал на одного из них. На ноги поднялся Ной, оценивающе глядя на кольцо из-под полуопущенных ресниц.

– Неизвестна история его появления и причины, почему кольцо стало проклятым. Но первое упоминание о нём говорит, что однажды мужчина увидел на базаре в лавке прекрасное кольцо и очень захотел подарить его своей жене. Так он и поступил. Женщина надела его и стала меняться с каждым днём, особенно сильно перемены становились заметны ночью. Она стала ревновать мужа, побуждая его не покидать домашних стен, а на третью ночь, убив почти всю прислугу – удалось спастись лишь мальчишке, доставлявшему письма, он спрятался в шкаф, – она сожгла дом вместе с собой и супругом со словами, что теперь они всегда будут вместе. Но самой главной трагедией стало то, что из-за сильного ветра, поднявшегося ночью в тех краях, огонь быстро перекинулся на соседние здания. Отчего совсем скоро весь город

вспыхнул как спичка. Спаслось меньше половины населения – многие так и заснули вечным сном, не покидая своих постелей.

Терсеро слушал его, едва заметно кивая головой.

– Верно. Но не до конца. Благодаря дару скардов, сумевших увидеть прошлое предмета, нам известно, что прежде кольцо находилось у той, кто неоднократно испытывал измену в браке. Металл вбирал в себя негативные эмоции и помыслы, притягивая энергию Серого Мира, и даже спас владелицу от перерождения в ревенанта, приняв удар на себя. Заметив неладное, женщина сама смогла избавиться от кольца, продав его на рынке. Но, по общему мнению, после она погибла в разразившемся той ночью пожаре.

Учитель сам опустил взгляд к кольцу, чьи грани весело сверкали под лучами солнца, а в глубине дымчато-серого камня словно и вправду клубились тёмные облака, вот-вот готовые явить непогоду.

– Это, как ничто другое, учит нас, что тьма не уходит бесследно. И рано или поздно, но она унесёт чужие жизни. Поэтому на охоте всегда стоит быть начеку и не упускать ни одной мелочи, – сказал он, вновь поднимая голову. – А теперь обозначим способы, призванные помочь выявить проклятую вещь. Начнём с самого монотонного и не слишком эффективного – с использования соответствующей печати. Загвоздка в том, что нельзя проверить сразу несколько предметов. Знак используется для каждого в отдельности. За-

частую этот символ применяют лишь для того, чтобы убедиться, что перед вами действительно предмет, запятнанный энергией Серого мира. – Наставник выступил вперёд, держа перед собой развёрнутый свиток с крупно нарисованной печатью. Поверхность бумаги была поделена на девять квадратов, которые разграничивали разные элементы символа, позволяя правильно перенести в свои записи его копию. – Второй же способ доступен не всем. Это надо почувствовать. При должной концентрации и способностях даэвы могут ощутить тьму. – Терсеро коснулся взглядом даэвов из теневого отделения. – Чаще всего это прерогатива теневых даэвов из-за определённого родства их сил с энергией Серого мира.

Слова наставника породили новую волну обмена взглядами. Я лишь на мгновение прикрыла глаза, раздумывая о том, как им ещё не надоело.

– И последний способ, и самый действенный... Это бабочки-глашатаи. Да, вы не ослышались. – Он снял материю со второй вещи, скрывавшейся под салфеткой, обнажая вид трепетного создания, порхающего под стеклянным колпаком с покрасневшими от близости отравленного тьмой кольца крылышками.

Наставник поднял колпак, и бабочка полетела прочь. Отенок её крыльев менялся прямо на глазах – из алого в грязно-синий, а после – в небесно-голубой.

– Сейчас перед вами будет задача – попытаться ощутить

силу этого кольца. Предупреждаю, что днём это сделать гораздо сложнее, чем в ночное время суток, – продолжал учитель. – Но если кто-то из вас неожиданно сможет почувствовать его, то у этого ученика определённо дар к подобного рода вещам. Ладно, можете подходить. Лучше по одному, и ни в коем случае не касайтесь предмета.

Учитель отошёл, мягко садясь на свою циновку.

Вереница юных воинов потянулась к столу. Давалась всего минута на то, чтобы попытаться проявить себя. Первыми шли светлые, и когда очередь дошла до меня, как и все ранее, прикрыв глаза, я выставила ладонь перед собой.

Когда я наблюдала за кольцом, разглядывая его и явственно представляя те печальные события, причиной которых он стал, мне почудилось, что даже издалека смогу ощутить несомую им угрозу. Но теперь, стоя с закрытыми глазами, я не нащупала совершенно ничего. Открыв глаза и перевернув ладонь тыльной стороной, я недовольно нахмурилась, вспоминая то, как прикасалась к оружию из магического металла. С ним у меня никогда не возникало проблем. Если сталь вкушала человеческую кровь, кожу сразу обдавало холодом. Но магический металл всегда был более восприимчив к таким вещам, возможно, загадка крылась как раз в этом.

Пришлось отойти, уступив место другим, и вернуться на своё место рядом с Айвен. Дэва, использовав свою попытку одной из первых, теперь наблюдала за остальными. Вскоре и Натан Страйд опустился на циновку поблизости.

– Моран точно что-то почувствует, – вдруг заявил светлый.

– Почему ты так уверен? – спросила я, больше думая о длине его волос, почти достигших лопаток, и о тьме, которую они успели в себе накопить. В этом могла быть взаимосвязь.

– Когда учитель только появился, тот не сводил с него взгляда. Мне показалось, он что-то понял ещё до того, как Терсеро снял ткань, – с задумчивым видом отозвался див, провожая взглядом Морана, очередь которого как раз настала.

Люций даже поднимать руки не стал, поглядел хмуро на кольцо и сказал что-то наставнику, с безмятежным видом отходя в сторону.

На периферии зрения что-то мелькнуло, но я не обратила внимания, вдруг задетая тем, как прыснул от смеха Люций, когда он обернулся и наши взгляды пересеклись. Секунду назад див был серьёзен, а после на мгновение склонился, прижимая кулак ко рту, скрывая за ним улыбку.

– Ох, Сара, смотри, – раздался удивлённый и благодушный голос. Наклонившись так сильно, будто вот-вот собирается упасть мне на колени, Натан протянул руку, снимая что-то с моей головы. В первое мгновение я подумала, что там застряли либо трава, либо листик, принесённые ветром, но светлый див чуть распрямился, показывая глашатаю, сидящего у него на указательном пальце. – Она устроилась прямо у тебя на волосах.

– Надо же, – прозвучала от меня на первый взгляд скупая реакция.

«Так вот почему он засмеялся...» – догадалась я, видя, как улыбка слетает с губ Морана, стоило Натану снять бабочку с моей головы, будто мгновение назад он и не смеялся вовсе.

– Милая, – проговорила я, когда, стоило поднять мне руку, бабочка незамедлительно покинула своё временное пристанище, вновь вернувшись ко мне.

Натан улыбнулся. Его глаза сверкали, вторя тому восхищению, которое передавали его эмоции. Его чувства заставили меня гадать об их причине. Дело в бабочке, он восторгается её красотой? Или дело в чём-то ином?

– Удивительно, как она тянется к тебе, – заметил див. – Никогда подобного не видел у взрослых. Только у маленьких детей.

– У детей чистые помыслы, – отозвалась я, вспоминая одну из версий, которая объясняла любовь бабочек к маленьким даэвам.

– Значит, и у тебя тоже.

Мой слегка удивлённый взгляд, оторвавшись от насекомого, обратился к Натану.

– Нет, это не так, – довольно мягко отозвалась я. Его предположение показалось мне глупым. – Думаю, дело в моей силе. Их влечёт сильный светлый дар. Вот и всё.

Мой ответ совсем не убедил Натана Страйда. Но настав-

ник призвал всех занять свои места, и разговор пришлось закончить. Я опустила руку, и бабочка, вспорхнув крыльями, полетела дальше, устремляясь к лесу.

– Как и предполагалось, теньевые справились гораздо лучше. Кто на светлом отделении почувствовал тьму в кольце? Поднимите руки, – попросил учитель. Я оглянулась, с удивлением замечая лишь одну ладонь – Винсента, который от внезапного всеобщего внимания вжал голову в плечи.

– Что ж, даже неудивительно. Вы же с острова Рухх?

Винсент кивнул. Наставник, несколько секунд задумчиво смотря на него, наконец-то продолжил, обращаясь ко всем:

– Остров Рухх находится вблизи Затерянных островов и Портала в Серый мир. На островах тварей никто не уничтожает, поэтому энергия тьмы там древнее, чем на материке. И её влияние доходит до острова. Предполагаю, постоянный контакт с этой силой и развил в даэвах ордена Рухх чувствительность к этой магии. – Вновь вернув взгляд к Року, учитель добавил: – Это определённо очень ценная способность для молодого воина.

– Спасибо, – отозвался Винсент.

– Я лишь констатировал факт. А теперь поднимите руки те, кто почувствовал энергию кольца среди учеников теневой башни. – Стоило диву договорить, как ладони взметнулись в воздух одна за другой. Всего их оказалось семь, практически половина всего теневого отделения второго года. Поразительная разница. Люций тоже поднял руку. Он сидел

небрежно в позе лотоса, уперев локоть в бедро, и, склонившись, подпирал свободной ладонью щёку. Выгляда отстранённо и совершенно не радуясь своему успеху.

– Хорошо, – удовлетворённым тоном проговорил учитель. – Люций Моран.

– Да, наставник?

– Вы сказали, что ощущаете силу предмета на расстоянии?

Так Натан оказался прав... Такая разница между его способностями и возможностями остальных. Поразительно.

– Верно. – Моран опустил руку, садясь прямо. – Даже оставаясь на своём месте, я понимаю, что *оно* такое. – На мгновение взгляд дива коснулся меня и после устремился к вещи, отравленной Серой энергией.

Уголок губ наставника дёрнулся, он хмыкнул.

– Ну, думаю, в случае Люция мне ничего объяснять не надо. Можно лишь сказать, что кровь рода Моранов по-прежнему сильна.

Люций натянуто улыбнулся, а я отвернулась, больше не следя за тeneвым. Из-за сложившейся обстановки в мире даэвов мы меньше выделялись на людях. Дружбу не скрывали, но оставляли видимость того, что мы не так уж близки. Моран сам предложил такой подход несколько месяцев назад. И его предложение отчасти было разумно. За мной приглядывали. Прошлый год и выговор главы ордена Сорель наглядно это показывали. Мне не нравилось, что меня контролируют, хо-

тя, возможно, лишь отчасти я понимала причины, побудившие к этому. Но всё равно ситуация вызывала сложные чувства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.